

Краеведческий альманах
«Тверской край»
События. Люди. Судьбы

Выпуск **19/39**

A landscape photograph of a grassy field under a clear blue sky. In the center, a tall, thin tree with bare branches stands prominently. The foreground is filled with green and yellow grass. In the lower foreground, there are two large, rusted metal wheels or parts of a machine, partially buried in the grass. The overall scene is peaceful and somewhat desolate.

Сергей Андреев

Бортница

Тверь, 2020

ББК 63.3(2 Рос-4Тв)

А 65

Андреев Сергей Александрович
А 65 Бортница /Сергей Андреев. – Тверь: 2020. – 64 с.: ил. –
(Тверской край: События. Люди. Судьбы; вып.19/39)

В этой книге автор говорит о деревне Бортница и окрестных поселениях - по воспоминаниям родственников и архивным исследованиям.

Обложка:

*Бортница. Брошенная конная косилка в поле у деревни.
Фото Дениса Ивлева, 2020 год.*

ББК 63.3(2 Рос-4Тв)

А 65

© Андреев С.А., 2020

© Издание Козырев В.В., 2020

***Сели мы среди весеннего безмолвия на месте нашего крыльца
перекусить. Сижу, смотрю по сторонам, хочу запомнить***

Наверно любой человек раз в жизни, но приходил в отчаяние, что наверняка не постигнет тайны мироздания, никогда не увидит и даже не представит себе своих давно ушедших предков, и, наконец, совершенно дико ощутить самого себя вне бытия. Единственная возможность оставить частичку напоминания о себе потомкам – выпустить в мир детей своих и подарить людям сделанное твоими руками и головой. Только это может согреть человека перед неминуемым. 16.01.2010 г.

Сергей Андреев

Справа, где пожухлая трава, место нашего дома в Бортнице

В 2019 году Пасху праздновали 28 апреля. А 26 апреля сподобилось мне побывать на родине, в деревне Бортнице. Здесь зародился я в октябре 1963 года, первое слово сказал. Дед мой Макар: «путы перерезал», – когда я вдруг пошёл своими ногами. Вот эти ноги и привели меня на родное пепелище спустя 54 года.

С 1964 по 1965 год из Бортницы уехали последние пять хозяев: Фёдорова Мария Владимировна, Веселов Николай Васильевич с женой и детьми, Мальдова Екатерина Леонтьевна, Смирнова Аграфена Дмитриевна. Наше семейство покинуло деревню после всех. В сентябре – месяце 1965 года оставил родину свою мой дед Андреев Макар Андреевич, последний житель Бортницы. Дом, срубленный в 1957 году, продали новым хозяевам из Удомельского района в деревню Астафьево (возле Кузьминского) и перебрались всей семьёй, хозяйством и скотиной в Волошно. На машине с прицепом привезли куриц два десятка, овец, поросёнка, телёнка и корову Вербу.

На новом месте снимали первое время углы. Потом купили дом у бабы Маши Головановой. В этом доме волошинском я и вырос, обрёл друзей. Удивительное, хорошее время. Ранним утром мычание коров, голоса людей, идущих в контору за нарядом, пускachi тракторов по околицам. Бабушка гремит тихонечко ухватом в печи, а вскоре и пирогами пахнёт так, что нет

уж мочи дальше в постели тянуться. И рыбалка, и войнушка с рытьём окопов. То сено бежим ворошить со взрослыми, а в поле дневная дойка коров. Женщины с подойниками молоко льют в бидоны, а мы снуём тут и там. Наворошивши сена, бежим купаться в озеро, скорее обмыть зудящее от соломы тело. Осенью копают картошку, жгут ботву. Мы уже сидим рядом с костром и подкидываем клубни в угольки. Чумазные все, но от картошки не оторваться, уж больно вкусна, с дымком, горячая. Зимой свои прелести. С утра до обеда – на лыжи и с горы кататься, То на Драксу, то на Бор, то – айда на Мельтошку. На обед придёшь, штаны вместе с валенками ставишь у двери, пока не обмякнут и не упадут. Варезки на печку. Но ничего не успевает высохнуть, надо опять бежать по снегу валяться. Вот и напяливаешь сырые дянки на такие же мокрые обшлага. Противно, но делать нечего, друзья зовут. У них ситуация не легче, такие же промокшие. А вечером самое интересное. Ляжешь на печку и просишь: «Дед, расскажи чегонибудь страшное!» Дед начинает рассказывать, а у самого мурашки по телу. Тут ещё выюшка в трубе завывает. Дед то утомится уже говорить, а ты: «Давай ещё!» И страшно, и спину припекает. Лежишь, валенки в голова, знаешь, что дед рядом и никто не придёт. Сомлеешь на печке то, пропаришь всю стужу, что за день насобираешь.

Да, убежало это время вприпрыжку, обезлюдело теперь и Волошно. И только щемит в груди при редкой встрече с деревней. И народ здесь уже не тот и всё не так, как было прежде. И в Бортнице ведь когда то текла жизнь так похожая на волошинскую. И работа для крестьян была, и дети резвились, и дым из трубы валил, наполняя окрестности человеческим теплом и присутствием. По всей Руси бесчисленные деревеньки, негде путнику заблудиться, везде найдёт он укрытие и ночлег.

Пока были живы родители мои и дед с бабулей, приходилось мне слышать от них рассказы о родных им местах. Все самые важные, значительные события их жизни происходили на Удомельской земле. А именно в деревне Бортнице и Кобылихе. Слышал я и о коллективизации, и о раскулачивании, и о войне. Дед мой бывало рассказывал и старинные истории о чертовщине, что случалась окрест их Иловского прихода, и о Маше Хомутовской, и про Ваню Глазовского. А уж как хвалили места примечательные своей родимой сторонушки. Тут и о грибах, что растут в Вахрухино. Оттуда дед нашивал белых груздей большими корзинками. Тут и Закром да Ершово, где полно черники. Говорили и про Князево, мол место больно красивое...

Прошло более полувека, как поступило мне от дяди моего Саши предложение сходить да навестить нашу Бортницу. Почитай всю жизнь туда собирался, тут и раздумывать особо не стал. Справил котомку и поехал в Удомлю. Там меня два Александра и подобрали на машине. Доехали до Липен и оттуда отправились пеша по лесовозной дороге. Не скоро, но добрались до деревни Юрино. От неё остался разваленный сарай да какое-то древнее железное колесо. Поднялись на горушку. На ней большие осины, давшие множество побегов. Этот молодой осинник начал обживать место, где в незапамятные времена стояла церковь. Ни в каких документах мы это не обнаружили, но старики так и говорили: «Церковь здесь была». Вправо от осин дорога на Бортницу, а в сторону противоположную, чуть под пригорком лежит заросший мхом камень-следовик.

С древних времён приходили сюда люди просить помощи у камня. Молились, стоя на нём, таясь, под покровом ночи, без свидетелей. Древний, ещё языческий обычай. Под камнем тем, говорят, золото спрятано. И в старые времена находили: то ложку, то ещё чего, выпаживали какие-то цветные стёклышки. А по другую сторону горы в колодце колокол с церкви утопили. Колодец этот и сейчас просматривается. Но времени не было колокол искать. Да и нашли бы, не знаю. И до нас искатели пытались счастья, звенело что то, когда кольями стучали, но ничего не достали. У нас же время перевалило за полдень, надо

было идти. К слову о «церкви или монастыре» в Юрино. Цитата из работы Фроянова И.Я. «В Древней Руси возникло немало мелких монастырей, основанных князьями, боярами, купцами и прочими состоятельными людьми. Это были так называемые ктиторские монастыри, находившиеся на полном довольствии своего основателя-хозяина – ктитора. Они, подобно домовым церквям, являлись семейными и родовыми святынями, поэтому устройство их нельзя понять, не учитывая языческих представлений, связанных с домашней религией.»

Мимо тех самых больших осин, что выросли напротив былинной церкви, вышли на бортницкую дорогу. Зелень ещё не вступила в силу и колея угадывалась. Следы от трактора, проехавшего полвека назад, отпечатались, прикрытые жухлой прошлогодней травой. По сторонам – ельник, саженный ещё дедом Макаром, всё вручную, целый лес. И кругом островки синих подснежников. После ельника мелькнула полоса света. Вышли на дугой растянувшееся чистое пространство. Под ногами пожелтевшая распластанная осока, довольно твёрдая почва. Эту чисть разрезает живописный ручей с довольно быстрой тёмной водой. Значит осталось немного. За ручьём пригорок. Начал уже обрастать ельничком. А ведь это бывшее поле. С пригорка пошёл крутой подъём в гору. Слева на высоте в пол горы прудёнышко небольшое с весенней водой. Угадывается бывшее жильё при нём. Дальше, в гору – три плодовых дерева, слева от дороги.

Эту чисть разрезает живописный ручей

За ручьём пригорок. Начал уже обрастать ельничком

Слева на высоте в пол горы прудёнышко небольшое

Дальше, в гору – три плодовых дерева, слева от дороги

И вот, запыхавшись, поднялись наверх. Место, где стояла деревня, лес не тронул. Лишь разросшиеся побеги слив и каких-то садовых кустарников обживают бывшие усадьбы. Как и прежде, посреди горы и деревни – пруд, заросший теперь камышом. Где стоял наш дом, валяется не то жернов, не то точило для топоров, – отголосок былой жизнедеятельности. Обернулся, стоя на своей «избе». Кругом тишина, только щебетанье птиц, и лишь два облачка застыли на солнечном высоком небе. Со стороны Турковского болота бывшие поля заросли густым лесом. С Юринской стороны ручей загородили бобры, и в солнечных лучах блестит серебром вновь образовавшееся озерко. Склон к этому озерку очень крутой, впечатляющий. Огромная гора, которая подчинила себе всё окружающее пространство, прежде засеваемое зерном. Дорога в Князево стала зарастать ельником и берёзой. Когда то раньше с горы можно было видеть это селцо. До него два километра, и всё полями. Вообще вокруг Бортницы были обширные поля, где сажали рожь, пшеницу, лён. Гористая местность настолько живописна, что дух захватывает. Александр, товарищ наш походный, говорит: «Пасеку бы на лето сюда! Лучше места и не придумать!». А ведь в бытность была и пасека тут, даром что ль деревня Бортницей зовётся. Держал мой дед ульи, а деда Лёва (дядя моей бабушки) часть

своих ульев даже в Илово священнику в аренду сдавал. Много пчёл у него было, настоящий знаток-бортник.

Сели мы среди весеннего безмолвия на месте нашего крыльца перекусить. Сижу, смотрю по сторонам, хочу запомнить. Какой покой! Никто не пройдёт мимо, кроме зверя лесного. Да и после нас, нарушивших это молчание, не скоро кто-то из охотников сюда забредёт. Безмолвие это, мне думается на века. Скудеет Русь деревнями и народом, былому уже не бывать. А уж если случится чудо, что разрастётся страна русским людям, и начнёт народ заселять брошенные не по их вине земли, то будет это не так как раньше.

Вид на Бортницу со стороны Князево

Селились в древние года на починок одна, две иль три семьи. Плодились, преумножались, ширя деревню по сторонам. Роднились семьями, и редко с мест насиженных снимались, ведя родослов свой из веку в век в одном прародительском доме. Если уж бывало и переезжали, то по воле своего барина. В нашей крепостной России – матушке барин и был, в основном, застройщиком бесчисленных деревень. В одной деревне сам помещик селился с дворовыми своими, а детям другие наделы из своих земель нарезал. То на пустошах, то на новых местах расселялось барское потомство. Так и обживалось наше лесное пространство. Попробую коснуться самой истории родных мест. Я не историк, не судите строго.

Бортница. Зарождение

Таким же образом, то есть помещиками заселялась и территория будущего Иловского прихода, к которому относилась и Бортница. До конца XV века эта местность принадлежала новгородскому боярину Василию Кузьмину. В новгородских летописях упоминаются в 1470-х годах бояре Кузьмины: в 1476 году, при встрече Ивана III, присутствовали Василий, Иван и Тимофей Кузьмины. По наказу Антипа Кузьмина была изготовлена икона, где изображены он лично со всем своим семейством и с детьми. Вот такие были первые владельцы Бортницы и Кобылышино. Весьма влиятельные, если сумели попасть на икону.

После покорения Новгорода Великим Князем Иваном III, место бояр заняли московские служилые люди и «дети боярские». Так в Егорьевском погосте в Удомельском в-Ылове появился новый хозяин Андрей Борисович Еганов с детьми своими Иваном и Третьячком (имена языческого происхождения бытовали тогда на Руси). Стали они владельцами деревень: Кобылышино, Гузарево, Савино, Марково, Терехово. В 1545 году деревни эти были записаны за Егановыми. Но и по старо-

Знаменитая икона Новгородского музея, на которой представлены молящиеся новгородцы (Кузьмины). Надпись: «В лето 7975 индикта 15 повелением раба Божия Антипа Кузьмина на поклонение православным»

му письму они уже существовали. То есть записаны ещё за прежними боярами в XV веке в несохранившихся до нашего времени книгах. Жило тогда в этих деревнях 11 человек, а дворов было 10.

К рубежу 1545 года при Андрее Еганове возникают починки, принадлежащие ему: Кохново, Турки, Замошье, Князево, Данилково – Берёзова Нива тож, Трофимков, Прудцы, Бортница, Сукин, Пядышево и два займища – Дурково и Оверкеево. Все эти поселения находятся в непосредственной близости друг от друга. Скучно населённые: 1, 2, 4 человека на починок. Всего 18 дворов и людей в них тоже 18. Большинство названий дожило до XX века.

Древние документы сохранили для нас имена первых поселенцев Бортницы. В одном дворе жил Игнатко, в другом – Солох. Пашни у них было 9 коробей, да сена 40 копен. Примерно три гектара обработанной земли вокруг деревни. Соседняя деревня Юрино в бумагах 1501 года упоминается как «... пустошь в Липне Юрино». Стало быть когда то Юрино опустело, стало пустошью. Может и действительно там в древности церковь была возле упомянутого камня – следовика. Жаль что переписные книги середины XV века не сохранились. Много могли поведать нам. Известно, что с 1547 по 1550-е годы много крестьян сошло с земли от голода и от мора. Земля там худая, глинистая, урожаи были плохие.

XVII век. Смутное время прокатилось и по Новгородской земле. Через Котлован на Липенский Рождественский погост прошла «литва». Разорение и опустошение докатилось и до наших краёв. Исчезают почти все описанные выше деревни. Возможно, как и сейчас, всё зарастает кустарником и лесом. Но приходит время и новые переселенцы всё же обживают пустоши. Появляются и другие хозяева – помещики. Егановых сменяют Филисовы.

Все местные жители были приписаны к церкви Илово Пречистое. В метрических книгах этой церкви нет записей с именами жителей Бортницы за XVIII век. Деревня ещё не заселена.

Когда же возобновилась жизнь на облюбованных предками гористых и лесных краях? Как воскресла жизнь?

На этот вопрос проливает свет документ «о перечислении Боровицкого помещика Филиппа Петрова Лупандина жителей селъца Князева и деревни Бортницы из прихода Вышневолоцкого уезда Рождественского Липенского погоста в приход села Илова по близкому к оному селу расстоянию». Дело это началось в апреле 1828 года. В нём помещик Лупандин упоминает между прочим, что «селъцо Князево и деревня Бортница, состоящее с 1808-го года и по сие время в приходе Рождественского Липенского погоста, желательнo мне, что бы означенное селъцо моё Князево и с вновь выстроенною деревнею Бортницею, находилось в приходе ближайшего села Илова...». Далее помещик поясняет, что земля в этом селъце приобретена по купчей крепости. У кого приобретена – не известно.

После этого прошения на имя Архипастыря появляются и первые записи в метрических книгах церкви села Илово с именами новосёлов – жителей Князева и Бортницы. Таким образом, можем считать вторым рождением этих деревень год 1808. В исповедных ведомостях церкви Рождественского Липенского погоста более ранних записей крестьян и других, предшествующих Лупандиным, помещиков – владельцев данных селений, обнаружить не удалось.

МЕТРИЧЕСКОЙ КНИГЕ НА 1861 ^{го}					
Счетъ ро- дившихся.	Мѣсяцъ и день.		Имена родив- шихся.	Званіе, имя, отчество и фамилія родителей, и какого вѣроисповѣданія.	Званіе, имя, отчество и фамилія восприемниковъ.
	Мужская по лѣт.	Женская по лѣт.			
23	—	1	Андрей Филипповъ	Вотчинникъ Гл. Архипп длинновъ деревни Борт- ницы прихода Рождест- венскаго Липенскаго по- госта Вышневолоцкаго у- езда Тверской губерніи Томасъ Евграфовъ, об- щественнаго агрономъ- Владимиръ Свѣтлицкій	Майоръ Владиміръ Ивановъ деревни Князе- ва прихода Рождест- венскаго Липенскаго по- госта

Запись из метрической книги за 1861 год
о рождении моего прадеда Андрея

Как же заселялась Бортница вновь?

Есть преданье, что «привезены они были откуда-то с Новгородчи-
ны князевским барином». Кто был в селъце Князево барином, мои ро-

дители, к примеру, не помнили. А вот архивы всё сохранили. Обратимся снова к ним. Вспомним опять местного помещика Лупандина. Его Боровичское имение находилось в сельце Тобола, что на реке Съеже, близ деревни Грешнево. И вот в 20-х годах XIX столетия коллежский асессор Филипп Лупандин переводит из Тобола своих дворовых людей: Купреяна Емельянова с женой Авдотьей и детьми в Бортницу. Сюда же прибывают из деревни Платаново Боровичского уезда Дмитрий Иванов с женой Авдотьей и с племянниками Финогеном и Харитоном Лаврентьевыми. Третья семья Егора Павлова уже проживала в Бортнице. Две семьи (кроме Егора Павлова) все мои родственники и предки.

*Усадище Тобола и деревня Платаново.
Вотчины помещиков Лупандиных*

Соседнее Князево заселяется позднее. В ревизских сказках 1850 года записаны 3 семьи: Михаил Никитин, Василий Исаков и Савва Гаврилов. К 1858 году в Князеве уже «15 мужеска и 19 женска пола душ». В Бортнице, соответственно, 19 мужского и 21 женского. В 1834 году на новоселье рождается мой прапрадед Тимофей, «последышек» у Купреяна, уже коренной «бортницкий».

После дарования свободы крестьянам, началось их расселение на прежние пустоши, когда-то бывшие деревнями. В 1868 году дворовые люди господ Лупандиных, причисленные к безземельным: Фёдор Игнатьев с сыновьями Арсентием и Семёном, Дементий Лукин с женою

Любовью и детьми Александрю и Анною, Иван Михайлов с женою Елизаветой и с детьми Ефремом, Анной и Александрой, получают в собственность землю в пустоши Юрино, с образованием нового селения Юриново Тереховского общества. Документ подписан 12 марта 1868 года. Этот день можно считать возрождением былой деревни Юрино. Так князевские дворовые заселили давно пустовавшее место. А Дементий Лукин, между прочим, будущий тесть моего прадеда Андрея. В XX веке из трёх семей выделились шесть фамилий: Васильевы, Григорьевы, Дементьевы, Ильины, Козыревы, Фёдоровы. Были ещё Пирожковы, но возможно они пришли со стороны позднее.

Перед получением воли от господ, крестьяне деревни Бортницы тянули лямку на барщине. Какое же хозяйство было в середине XIX века у Лупандиных в их имении? Хозяева любили хорошо одеться, поэтому держали четыре человека портных: мужского и женского платья, русского и немецкого платья. Был свой столяр, кузнец, ткач, сапожник (он же – шорник), повар и четыре женщины швеи. Были крестьяне, обученные бондарному, печному делу. Все, кроме швей, получили образование. А столяр – краснодеревщик обучался профессии 5 лет аж в Санкт Петербурге. Надо полагать, что кто-то из потомков перенял ремёсла от своих предков. Из других дворовых один мужчина работал скотником, четыре женщины занимали должности скотницы, птичницы, ключницы и огородницы. Ещё одна находилась при барском доме на кухне. Дворовым дозволялось иметь своих коров на господском содержании. Обувь и одежду все получали от владелиц, кроме того, не возбранялось им взять лён на готовой пашне помещиц. В свободное от сельских работ время, по близкому расстоянию лупандинских деревень Грешнево и Погорелец сплавляли лес на реке Съже, суда водили по Мсте. Лес на постройку выделялся по усмотрению самих помещиц. Рубить дрова крестьянами не запрещали. В Князевской усадьбе имелось 11 лошадей, 50 коров, мелкого скота 64 головы. В пользу помещиц каждое крестьянское тягло должно было, помимо господской запашки по 3 дня в неделю, собрать сухих ягод по 3 фунта и свежих понемногу, яиц по 15 штук. Сверх того, в зимнее время крестьянки пряли и ткали в пользу господ по 10 талек каждое тягло и по 20 аршин. Основной доход хозяйства приносил овёс. На рынке в Боровичах за четверть давали до трёх рублей серебром.

1 мая 1862 года перешли на оброк. В постоянное пользование крестьян (19 мужских душ) Ольга и Любовь Лупандины выделили 85 десятин 1200 сажень земли. Сверх того: 32 десятины по болоту, леса дровяного и строевого, под дорогой и Безымянным ручьём 1 десятину 915 сажень, в безвозмездное пользование. Четыре десятины 1200 сажень на одну мужскую душу. Всего же по Уставной грамоте за крестьянами имеется около 120 десятин. За предоставляемую помещицами землю, с каждого душевого надела должны были отработать на них: мужчины 40 дней, а женщины 30. Кроме того с каждого надела полагался оброк в размере 9 рублей серебром. На мирской сходке, прошедшей в деревне Ханеево, бортнические мужики выразили несогласие платить 90 копеек серебром за десятину оброчной земли, отошедшей в распоряжение помещиц. *«Подписать Уставную Грамоту без того, что бы помещицы не прибавили нам земли, не согласны»*. В числе подписавших бумаги были: Николай Филиппов, Дмитрий Григорьев, Тимофей Куприянов, Осип Куприянов, Анисим Дмитриев. Все неграмотные они поставили кресты. Требования их к помещицам скорее всего посчитали незаконными и грамота пошла на утверждение.

В 1869 году 30 марта в Бортницу приехал Михаил Павлович Менделеев – Мировой Посредник 3 участка. Собрал сельский сход, где девяти домохозяевам он объявил об обязательном выкупе земель, отведённых им по Уставной Грамоте, при содействии правительства. Перечислим этих хозяев, взявшихся погашать кредит за 49 лет: Капитон Куприянов, Тимофей Куприянов, Осип Куприянов, Дмитрий Григорьев, Николай Григорьев, Василий Васильев, Анисим Дмитриев, Яков Финогенов. За всех крестьян, по их безграмотству, расписался Яков Финогенов. Служил он старостой в Иловской церкви (дед моей бабушки по отцовской линии).

Забежим немного вперёд. По состоянию на 1900 год бортнические крестьяне имели земли в следующем количестве. Куприяновы Осип, Капитон и Тимофей: 1 разряда – 7 десятин, 2 разряда – 64 десятины; Финогеновы Яков и Ефим с товарищами: 1 разряда – 10 десятин, 2 разряда – 64 десятины. Кроме того на паях с другими родственниками и товарищами они имели 27 и 52 десятины соответственно. Классики считали, что *«хозяева, имеющие от 10 до 16 десятин посева, не покрывают земледелием всех расходов и вынуждены прибегать к заработкам»*. (В.И. Ленин. Сочинения. Т. I). В 1911 году в деревне держали 27 лошадей, 37 коров, 42 овцы, 1 свинью, а

всего с молодняком 81,3 условных головы. При этом 2 хозяйства не имели лошадей, и 2 хозяйства проживали вообще без скота.

Местным промыслом занимался в своем уезде 1 человек, отходников было 5 человек из 5 хозяйств, и все они работали в Петербурге, полностью отрываясь от сельского хозяйства. (*Статья из машинописной книги Н.А. Архангельского «История деревень Удомельского района»*). Одним из таких «отходников» был старший брат моего деда – Иван Андреевич, работавший в Петербурге. Так, что и войдя в XX век, хозяйства, получившие давно вольность от помещиков, жили небогато. 27 лошадей на 19 семейств совсем мало.

По тем же заметкам Ленина, на тягло требуется 4 штуки рабочего скота. Иначе приходится прибегать к супряге, то есть к *«соединению рабочего скота, инвентаря и рабочей силы ряда хозяйств, для совместного выполнения работ»*. Что мы и видим выше, где чаще всего, братья кооперировались для артельной обработки земли. Тем паче, что суглинистая почва вокруг Бортницы требовала применения упряжек для тяжёлых плугов. Те же хозяева, что разжились «лишними» лошадьми, в недалёком будущем жестоко поплатились за эту их жизненную необходимость...

*Бабушкин жернов на месте дома в Бортнице.
Фото Дениса Ивлева, 2020 год*

К веку нашему

Уходил в прошлое дворянский век. В 1882 году умерла Ольга Филипповна Лупандина, в 1896 году унесли в Илов Пречистый последнюю помещицу сельца Князева Любовь Филипповну. В 1893 году, до её смерти, расширяли церковь в Илове, строили колокольню местные крестьяне, а на её средства был вызолочен иконостас. Присматривал за строительством церковный староста деревни Пашнева Павел Григорьев.

Часть земли в Князеве и усадебный дом у Лупандиных выкупил Никита Никонов – зажиточный крестьянин, взяв кредит в Земельном банке. Успел рассчитаться с банком к началу революционных событий. По рассказу Веры Алексеевны Никоновой, дом, стоявший на берегу пруда, уже её отец перевёз для матери и сестры Антонины в деревню Пруды в середине 1950-х. Деда Никиту в 1929 году затоптали лошади, на которых лихо катились с князевской горы подгулявшие активисты комбедовцы... До переломного 1917 года оставалось уже немного времени. Местные крестьяне давно вели хозяйство на бывших хозяйских угодьях. Кто то занимался кузнечным делом, кто то скорняжным. Но в основном все работали на земле. Одни богатели, другие жили победнее, семьи большие, все стремились накормить себя и обшить. Хлеб свой, лён сажали свой и своими же трудами себя обихаживали. Налаживали частное крестьянское хозяйство, где без крепкой хозяйской руки было сложно выжить. И вот, 17 июля 1914 года получена телеграмма об объявлении мобилизации. По всей стране начался призыв на военную службу. Пришла разнарядка и в Вышневолоцкий уезд. Из Парьевской волости было взято более 270 человек. И вот крепкие жилистые, закоренелые в работе мужики в разгар сельхоз работ потянулись на германский фронт. За 45 дней под ружьё Россия поставила почти 4 миллиона солдат.

Из моей родной Бортницы призваны были: Финогеев Александр Яковлевич (мой прадед, младший брат деда Лёвы), Богданов Георгий Александрович, Александров Дмитрий Александрович и Александров Сергей Сергеевич, Алексеев (Бойков) Михаил Алексеевич. Из родины матери – Кобылихи ушли на фронт три брата Владимировы: Василий, Иван и Николай, Комков Егор Ильич, а так же брат прадеда Певцов Александр Иванович. Из Юрина – Ильин Осип Ильич. Из Гаврильцева –

Егоров Федор Егорович, Крылов Григорий Степанович, Морозов Михаил Михайлович, Мурашов Сергей Семенович, Рябчиков Андрей Васильевич, Рябчиков Николай Петрович, Рябчиков Яков Афанасьевич, Цветков Федор Семенович, Яковлев Алексей Яковлевич. Из Прудов – Селезнев Яков Никитич. Из Пашнева – 27 человек...

Уходили отцы будущих участников уже скорой и страшной Великой Отечественной войны. Не популярная, незаконченная война 1914–18 гг. собирала свои жертвы и из наших Удомельских краёв.

**267 Духовщинский пехотный полк
Яковлев (Финагеев) Александр Яковлевич
30.07.1883 – 1950 (?) гг.**

*«Последний нонешний денёчек
Гуляю с вами я, друзья,
А завтра рано, чуть светочек,
Заплачет вся моя семья.
Заплачет мать и мои сёстры,
Заплачет брат и мой отец –
Идти в солдаты выпал жеребь,
Евонным дням пришёл конец.»*

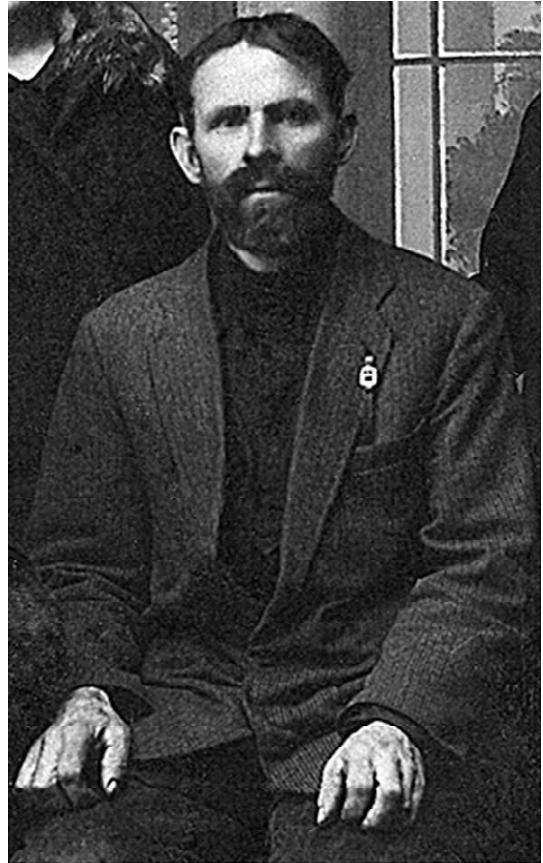
Прадеду моему Александру Яковлевичу суждено было попасть в 267-й Духовщинский полк. 18 июля, на второй день объявления мобилизации начали формировать этот полк. А в декабре этого же 1914 года под Болимовым (Польша) весь полк (2478 человек) был разгромлен. Очевидец говорил так: «Только и спаслись мы и кто в обо-

зе... вот уже второй день ищем и никого из Духовщинцев нигде найти нельзя. Даже нет никаких раненых, от которых можно было что-нибудь узнать. Все остались в огне у немцев. Понимаешь, – ни души. Как в воду канул целый полк.*

В те же декабрьские дни, когда пропал полк, прадед мой был ранен и отправлен на излечение в Пихлаусский приют города Риги. А уже в январе 1915 года отправлен обратно в свою часть. 28 января при обороне в районе Воли-Шидловской он испытал первую газовую атаку со стороны австрийских позиций. И таких газовых ипритных атак было несколько, после которых и запасы пищи и оружие приходили в совершенную негодность и требовали замены. Прадед мой перенёс все эти атаки и выжил.

Поскольку война эта ушла глубоко в историю и мало теперь кому известна, я позволю себе сделать некоторое отступление и описать маленький эпизод из истории полка моего прадеда. Чьи-то прадеды, ушедшие на германскую, пережили нечто подобное.

Яковлев
Александр Яковлевич

В район фольварка Изорода мелкий лес почти весь вырубленный, люди помещались в землянках, но каких землянках. Место низкое и болотное, кочковатое болото, землянки представляли собой ямки, покрытые ельником и обмазанные сверху глиною. Люди были довольны и этим, тем паче после таких двух тяжёлых боёв как 24 марта и 1 апреля, наступал день Святой Пасхи и у всех было хорошее ожидание чего-то приятного. Было грустно, пришлось потерять много боевых товарищей, офицеров, хотелось чего-то необыкновенного. Чудный летний день 9 апреля, накануне дня Христова Воскресения предвещал хорошую погоду на праздники и сердце радовалось.

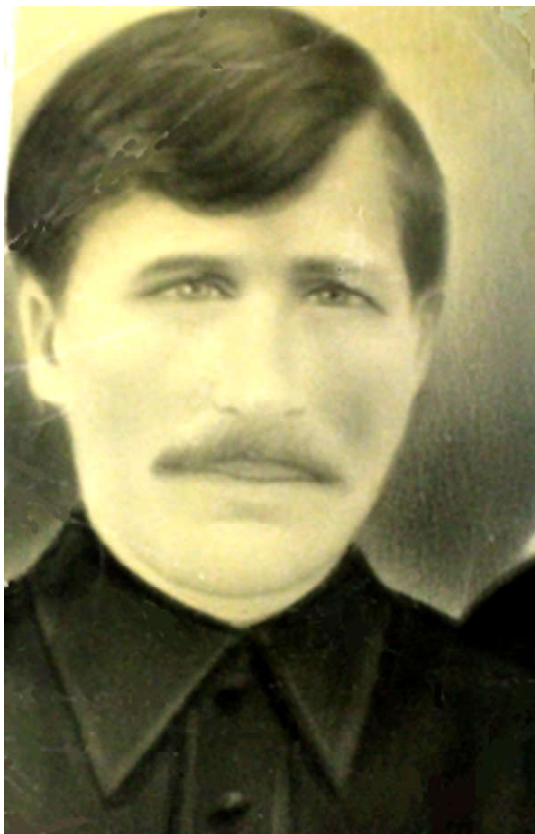
...что прежде всего мне бросилось в глаза? Это дачная жизнь солдат, все расположились очень удобно, уютно, если можно так сказать. Землянки хорошие, чистенькие, кругом заметен порядок, посыпано жёлтым песочком. Чувствовалась в воздухе какая-то нега, все ожидали Великого праздника. С лихорадочным беспокойством на лице, много дум сплеталось в голове, дум далёких. Дума стремилась далеко, летала кругом родных и знакомых, вспоминалась родина, родной дом, то ожидание пасхального дня ТАМ, в прежние годы. Хотелось бежать туда. На сердце было тяжело и неудобно. День был чудный. Солнце поднялось высоко и ласково бросало свои чудные горячие лучи. Всё, и природа и люди предвещали быть самыми приятными. Никто не ожидал того несчастья, той грозовой тучи, которая уже наметила себе новые жертвы.

Ровно в семь часов вечера раздаются оглушительные взрывы немецких снарядов. Противник стал тяжёлыми шестидюймовыми снарядами обстреливать расположение 1 и 4 батальонов. Один из снарядов угодил в 4 батальон, как раз в то время, когда солдаты подошли к кухне за ужином. Шесть человек было убито на месте и 16 ранено...

А в это время Ольга Андреевна – прабабушка, жена моего прадеда Александра Яковлевича, стояла в Бортнице на пашне и плакала навзрыд. Тяня непосильную ношу с двумя малыми дочками на руках, причитала, что забрали кормильца на проклятую войну, а тут хоть с голоду подыхай. Со слов моей бабушки Саши, так и было.

О двух моих родственниках – участниках ещё поведаю и перейду к другим событиям и поворотам российской крестьянской судьбы.

Как я уже писал выше, три брата Владимировых служили в Первую Мировую. Один из них Василий Владимирович. Был призван рядовым в 315-й Глуховский полк, 8-й Армии, где командирами были генералы Каледин А.М. и Брусилов А.А. В конце июля 1916 года началось Ковельское сражение в составе знаменитого Брусиловского прорыва. И 29 июля рядовой Василий Владимиров получает ранение под станцией Ворохта (на реке Прут Ивано-Франковск). После чего был доставлен в лазарет женского комитета города Елизаветграда (Кировоград Украина). После выздоровления – снова в часть. После подписания Брестского мира революционная волна подхватила его и занесла на службу в Красную Армию, впрочем, как его родных братьев и

***Владимиров Василий
Владимирович***

как земляка Александра Ивановича Певцова. Но ни личная доблесть, ни награды, ни служба в рабочей армии, как оказалось, не спасли их от рук местных руководителей советов.

Александр Иванович Певцов попал на службу в 50-ю артиллерийскую бригаду в развед-батальон. Фейерверкер старший унтер-офицер, он в 1914 году под ураганным огнём противника сумел погрузить 26 зарядных ящиков и вывезти их из под обстрела. Событие это произошло под Варшавой. За что был награждён Георгиевским крестом IV степени. Имел серебряную медаль за усердную службу. В 1917 году он дезертировал с фронта, скрываясь дома.

В октябре 1917 года оказался в Москве на Николаевском вокзале вместе с матросами, которые направили его на фронт. Пробыл на фронте в своей части в Волынской губернии три дня, оттуда перебрался в хлебопекарню. А через 25 дней в декабре месяце был направлен по демобилизации домой. **

Шаров Андрей Андреевич из Турков служил рядовым в Лейб-гвардии гренадерском полку, был ранен 26 июля 1916 года возле Ковеля. Находился на излечении в лазарете Казанского монастыря Вышнего Волочка, совсем рядом от родного дома.

Три коротких рассказа о моих родственниках и один о земляке, а в них судьба всех прошедших горнило Первой Мировой, Империалистической, как тогда говорили. Не все вернулись домой. Но и те, кто возвратился, попали в такой водоворот событий, что не приведи, Господи. Вроде в начале 20-х начали отруба себе нарезать, на хутора пошли. Их вокруг нашей местности не сосчитать было. Дома в деревнях рубили, овины, бани, амбары. Думали скорее к мирной жизни прирасти.

Строились. Возникали, как грибы, хутора: два Замошья, где жили Бойковы: Алексеев Михаил Алексеевич и его отец Алексей Капитонович 1853 г.р. – наша родня. Имели фамилию Бойковы.

На одном из них бортницкие несколько лет сажали свою картошку, потому как земля на бортницких огородах глинистая. Через эти хутора проходила дорога на Горницы. К нам на праздники зимой из этой деревни приезжали родственники. В одном из хуторов росли яблони и орешник. Направление на Замошье от вашего дома на север, а на северо-запад под горой местечко, именуемое Лягухино (на Замошье) на границе с новгородчиной. Грибы там росли. За ним и был Байков хутор, там росли многочисленные дубы. Через этот хутор была тележная дорога на деревню Клопиниху, это в 2,5 км от Белькова. С Бортниц была замечательная тропа на второе Юрино через дремучий лес. Там был хороший настил через князевский ручей. Множество тропочек связывали все окрестные деревеньки и хутора. Все поля засевались, ничего не зарастало дурной травой и мелкоколесьем.

От Бортниц влево – Колзаковский лес, были в старину такие богатые помещики Колзаковы, от них и название осталось. В школу по этому лесу в Юрино ходили. От Князева вправо – лес Чугунка, Дрогановское – урочище севернее Бортницы. Ершово – болото черничное, это как от Князева идти. Там дед мой на осеннюю Казанскую грибов набрал. Дегтяриха – лес на высоком месте правее Князева, там чернику брали. Вахрухино – в сторону Юрино к Новгородской стороне, там росли грибы: грузди, солоняки. В направлении Лягухина – горушка метров 10, звалась «Посашек», пахали там, за ней болото, ручей на Липны течёт. Дальше опять пахали, уже рядом с Колзаковским.

Сохранился в архиве список Турковского хуторского общества 1923 г.

1 Леонтий Львов

2 Трофим Михайлов 1874 г.р. жена Аграфена Петровна 1873 г.р. В Кобылихе – Суворов Алекександр Трофимович 1909 г.р.

3 Андрей Иванов

4 Логин Кузьмин 1897 г.р. (Смирнов) (Логаша?), жена Афимья Никитична 1899 г.р.

5 Иван Богданов

6 Андрей Шаров

7 Сергей (?) Алексеев 1893 г.р. = Прасковья Алексеевна 1898 г.р.

8 Александр Андреев

9. Смирнов Фёдор Елисеевич 1894 г.р. жена Наталья

При Князевском сельском обществе хутора имели: Николай Михайлов (см. фото) – 45 десятин, Андрей Кононов – 35 дес., Никита Филиппов – 23 дес., Владимир Семёнов – 22 дес., Никита Никонов – 35 дес., пашни 2 дес., сенокоса 4 дес., а по окладному пашни 6 1/2 дес., сенокоса 16 1/2 дес. облагаемой. У Никиты Никоновича Никонова был свой хутор. По словам Веры Алексеевны Никоновой, бабушка Евдокия Петровна, его вторая жена, воспитанница дворищенской барыни (наверно – Савенковой – С.А.). Его сын второй Нил Мальдов жил в Гришкине. Фамилия старшего Трусов. Отец его успел женить и выделить хутор, который так и звали Трусы.

Был и Филиппов хутор и хутор Берёзовки у братьев Кузьмы и Павла Филипповых. Обложенные непосильным налогом, при этом стремясь к культурному ведению хозяйства, при заведённых рентальных боронах, косилке, сеялке, ведя травосеяние, вынуждены в будущем продать инвентарь. А вырученные деньги отдать в счёт продналога.

Пришло теперь другое время. Стали местные власти нарушать хутора. Хозяев ввергали в нужду, не оставляя иного выхода, как переселиться в деревни и вступать в колхоз. Пришли утром к хутору Воронцовых люди, вооружённые баграми, топорами. Стали с хуторского дома крышу снимать. Что делать? Пришлось Воронцовым переселиться в Бортницу в старенький деда Яшин дом.

Описали у деда Васи Яковлева хозяйство, но оставили пока. Пошел он к барину Зворыкину. Плачет и спрашивает: «Как теперь жить то будем» А тот смеется: «У меня вон 150 коров отобрали, а я не плачу. Теперь коровы – тяжелое бремя. Коммунисты тебя от мороки избавили». Мастеровитый был дед Вася, всё умел делать, даже гроб себе смастерил, да первую свою жену наперёд себя в нём схоронил. Пострадали у деда Васи и два его брата. Старшего деду Лёву вломили кулачить местные активисты. Описывают добро, а дед Лёва на гармошке играет, не унывает, очень выдержанный был.

Вынесли из дома всё, даже наплетённые впрок лапти. Раздели деда до кальсон. Босиком выгнали на улицу. Одну его избу под читальню устроили, другую – в сельсовет. В военное время пришёл как то к нему в другой уже дом главный обидчик его. Дед Лёва за столом мёд раскладывал. Он, не помня обид говорит: «Садись, давай тебе мёду положу». Улей то чудом у деда Лёвы появился. Какая пасека в войну? А тут приснился ему сон, как будто в лесу видит он диких пчёл. И место знакомое. Справился утром и пошёл, видит, действительно семья пчелиная. Обрал весь рой да и принёс домой. Вот этим мёдом и потчевал нежданного своего гостя. Все бы так обид не помнили.

*Михайлов Николай
Михайлович. д. Князево*

Не любили в Бортнице зарождавшуюся советскую власть с её колхозами, думали, что всё вернётся назад. И в Кобылихе её не принимали, нигде. Слишком рьяно взялся раскулачивать хозяев чужак Смородин, только успевали на телегах увозить мужиков на следствие. В помощь организации местных колхозов прислан был из Москвы двадцатипятилетний коммунист Хромов.

Весенним днём в Великую Субботу, накануне Пасхи у Леонтия Яковлевича были гости. Пришёл с деревни Ильино шуринок Фёдор Волосов. Вели беседу о предстоящем празднике. Слышат, на улице разговор. Выглянули, а там возле дома стоит уполномоченный Сашка Хромов. Сам в грязных сапогах, бранится с Иваном (деда Лёвиным сыном). Иван: «Что, Хромов, грязно?» Крикнул тогда в окошко Фёдор, поддерживая племянника: «Не только грязно, а его сукинова сына утопить надо в этой грязи!» Не ответил ничего уполномоченный, а и чем ответишь, когда всех мужиков вокруг себя обозлил, загоняя в колхозы, отбирая хлеб до последнего посевного зерна. Побрёл к себе на хутор Лапиха, где квартировал. А только не отстал от него Фёдор, вскипела

злоба в крестьянине, не устоял, догнал Хромова. Руки чесались взгреть пришлого, чужого для деревни рабочего. Да только кричать начал на него: «Дармоед, сукин сын, прохвост!» Остановился Хромов, спросил: «Что тебе от меня нужно? Поезжай своей дорогой». Фёдор, доехав до ручья, поставил лошадь поперёк моста: «Дармоеды, вы только приезжаете сюда грабить, обирать крестьян, житья никому не даёте! Утопить тебя надо сукина сына в этой речке!» Тут и уполномоченный не стерпел, пригрозил: «Что ты хочешь от меня, проезжай или я тебя уложу как щенка здесь!» Смекнул Фёдор, что советская власть в кармане пистолет носит: «А-а, ты вооружённый, не боишься, ну ладно всё равно мы вас всех дармоедов-большевиков будем укладывать!» И, повернувшись, погнал лошадь, скрывшись из виду. Припомнят Фёдору этот случай и другой к делу пришьют, обвинив его в «Котлованском деле» и приговорят к расстрелу.

Яковлев Леонтий Яковлевич с дочкой Екатериной

Увезли 9 февраля и Григория Леонтьевича (деды Лёвина сына, см. фото внизу). Не признал он обвинений во вредительстве, а его слова из показаний свидетеля стали воистину пророческими: «Придёт время, заживём по старому, не будет и колхозов, где руководят коммунисты.» Не только колхозов, но и деревень теперь не стало. 13 февраля 1938 год расстреляли его, на пятый день после ареста. Осталась в Юрине жена его и трое ребятишек.

Проехался смородинский каток от Юрина до Кобылихи. Кулачил всех подряд, особенно тех, кто позажиточнее. Братьев Кузьму, Василия, Андрея Филипповых из Князева. 15 февраля 1938 года безвинно расстреляли жителя Юрино Кузнецова Михаила Ивановича. Осталось сиротами семеро ребятишек. Раскулачили Алексеева (Бойкова) Михаила Алексеевича. Деда моего Андреева Макара Андреевича посадили

***Виноградов
Григорий Леонтьевич***

в 1936 году на три года. Сослали в лагерь Степанова Андрея Степановича с хутора Щукино, пострадал Козлов Василий Яковлевич с того же хутора. С ними вместе был судим Алексеев Павел Алексеевич. После первого ареста в 1932 году, был осужден второй раз и приговорён к расстрелу. И тоже – 15 февраля 1938 года. Все три брата Владимировых тоже пострадали. Василия Владимировича расстреляли ни за понюх табака. Василий Владимирович входил в церковную двадцатку. И это ему припомнили, а Иловского священника Ивановского тоже подвели под расстрел. В 1938 году Михаилу Комкову довелось оклеивать избу изнутри газетами. И углядел какой-то не-

друг, что портрет Сталина оказался приклеен вверх ногами. Далее просто: донос, арест, лагерь. После пришла оказией записочка из Архангельской области – и более ничего, пропал человек, отец четверых детей (Л. Гомзякова).

Не хватит места в моём рассказе о судьбах репрессированных, не обо всех я рассказал, но все дела несправедливо обиженных людей сохранил. Прошло 75 лет с тех страшных 30-х годов, когда мне разрешили открыть дела обвинённых «во вредительстве» и в наговорах на советскую власть. Труженики, потомки предков своих, жившие дедовским укладом, не могли понять, как новая власть смогла так грубо и безцеремонно, с кровью и угрозами нарушить вековой деревенский лад. Устраняла эта власть самых упорных и неистовых защитников прежней жизни, что бы не мешали ни действиями, ни словами создавать на селе колхозный строй. Угрозами и расстрелами сломали сопротивление недовольных, загнали с хуторов в деревни, обобществили скот. Создали в Юрино колхоз «Большевик, в Бортнице – «Красную Бортницу», в Кобылихе – «Рекорд», в Прудах – «Новые Пруды». 30 января 1930 г. к д. Пруды были присоединены хутора Турковский

(Турки) и Горбовский. Начиналась новая жизнь. 29 июля 1950 г. колхозы Юринского сельсовета: «Новые Пруды», «Большевик» (Юрино), «Красная Бортница», «Рекорд» (Кобылиха) объединились в колхоз «Большевик» с центром в деревне Юрино. Сделали там начальную школу, где учился мой отец.

Не стану рассказывать о годах войны. Для этого нужна отдельная книга. Воспользуюсь воспоминаниями родителей и земляков, опишу историю своего рода.

Мой родослов. 4 ветви

Поскольку рассказ мой о Бортнице, поведаю только о двух из четырёх ветвей моего древа. Род Владимировых мною изучен до конца XVII века, а Певцовых – до начала XV и уже представлен в отдельной брошюре.

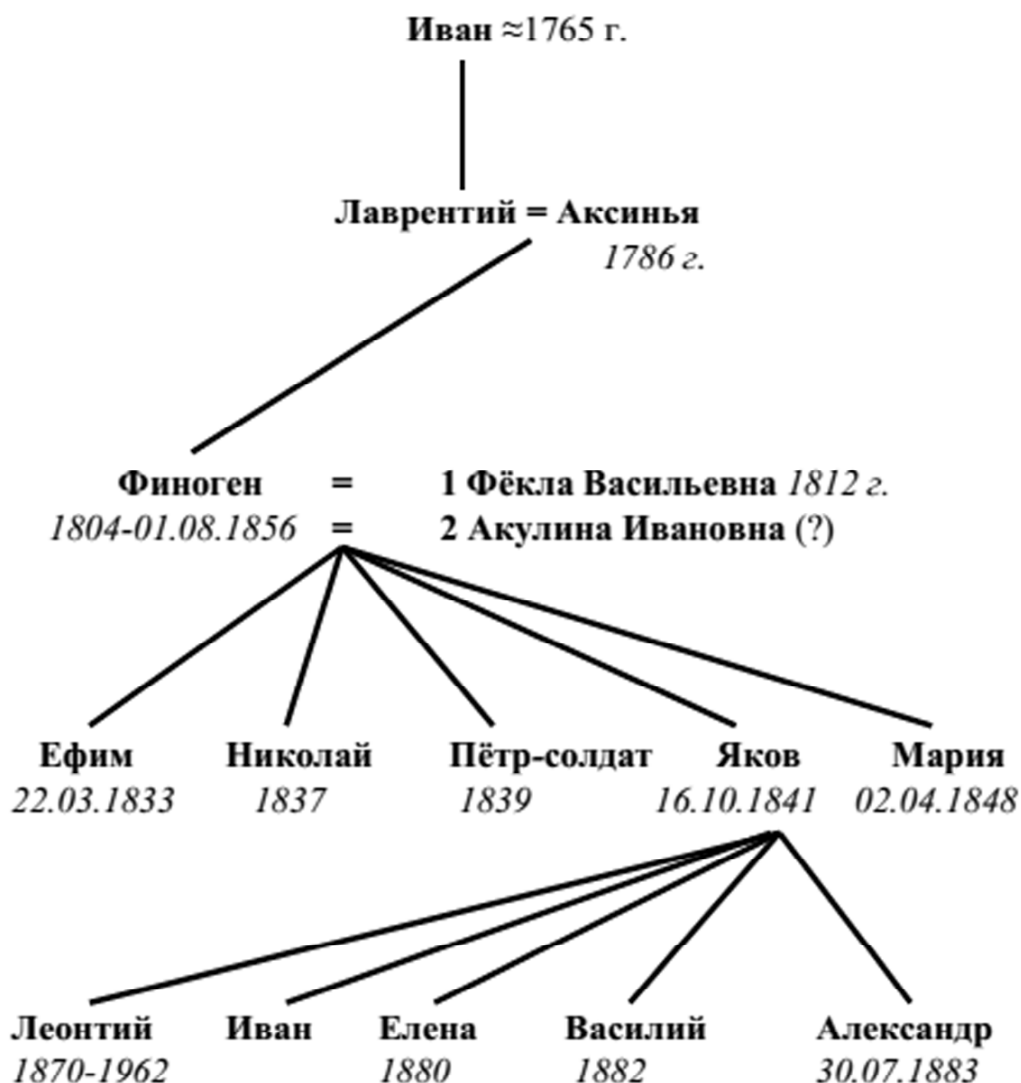
Особый интерес представляют далёкие предки ветви Яковлевых. В Бортнице дед Яша, давший фамилию своим потомкам, по свидетельству моей бабушки окал. Не знаю, свойственно ли это было другим его ровесникам и землякам, но это факт. Далее. В песнях, что напевал его сын Леонтий (дед Лёва) звучала постоянно фраза «страна Лимония», либо Ливония. И бытовало мнение, исходящее от него, что мол предки пришли на эту землю то ли с Литвы, то ли с Польши. Не станем отвергать эту легенду или бль, а заглянем в давние документы. В 1646 году после поражения Речи Посполитой, в погост Борисоглебский в Боровичах Сила Семёнов и Осип Максимов Лупандины привели «из польского полону» людей: Константина Емельянова, Василия Иванова и Степана

Иванова. В погост Васильевский Болонеский прихода церкви Иоанна Предтечи деревни Тоболино Никифор Петрович Мозовской привёл из литовского полону людей: Гаврилу Петрова, Семёна Дмитриева, Андрея Гаврилова, Кондратия Денисьева, Матвея Петрова, Мартына Павлова. Помещик Пётр Петрович Лупандин (владелец с. Тобола и Платаново) был женат на Пелагее Макарьевне Мозовской. Эти две фамилии делили все свои владения в Боровичском уезде между собой, передавали крестьян по наследству, покупали, обменивали и т.д. Вполне возможно, что потомки приведённых некогда «полонянинов» (пленных) и могли оказаться в Бортнице. Срастить нынешние документы с давними я пока не успел. *** Предстоят поездки в Московский архив.

Яковлевы

Это род моей бабушки Андреевой Александры Александровны 1911 г.р.

План домов д.Бортницы на 1940-60-е годы

Как я уже и писал, предки Яковлевых были переведены помещиками Лупандиными из Боровичского уезда из деревни Платаново. Состояли они у помещиков в крестьянах. Финоген Лаврентьевич кроме указанных в древе детей, имел от двух жён следующих: Марфу, Александра, Матрёну, Евдокию и Елену, всего 10. Умер Финоген 52-х лет от чахотки. От последнего его сына Якова пошла фамилия. Воспоминаний о нём почти нет. Остались две истории моей бабушки, да и то детские. Бабушка моя с сестрой (или с подругами) за малиной пошла с дедой Яшей. Набрали уже ягод, устали, стали звать: «Деда, пойдём домой!» Деда из кустов отвечает: «Сича, девчонки, ветку только охолою и домой пойдём.» Второе воспоминание тоже детское. Дедушка Яша старый уже, в уме потерял. Одевает шубу, лезет на печку. Девчонки: «Дедушка, ты куда собрался?» Дедушка: «В Бологое, девчонки, поеду.» Всё это проносилось на букву «о». Вспоминалось это бабушкой с теплотой, добром, без насмешек. Любили деда своего. Умер деда Яша, когда бабушка ещё девчушкой была, а она с 1911 года.

Леонтий Яковлевич (см. рис) – главный и самый примечательный в Бортнице человек. И в рассказах моей бабушки и в воспоминаниях родителей, Леонтия Яковлевича называют всегда «дядя Лёва». И эти воспоминания содержат только добро, какую то светлую грусть и жалость за ни за что испорченную судьбу хорошего работающего человека, раскулаченного и обобранного до нитки. Как вспоминает Вера Алексеевна Никонова. Я за чтением книжек много как бы и не замечала. Жила в виртуальном книжном мире. Помню в пятом классе, живу в Гришкине у Мальдовых, ночью сижу рыдаю над «Хижиной дяди Тома». Объясняю бабке Варе причину моих слез, читаю ей взволновавшие меня места из книги. А дядюшка мой (сводный старший брат папы) Нил Мальдов хмурится: «Кто бы написал как крестьян в колхоз загоняли. Как они мучались от того, что нажитое ими на ветер пускают, лошади и коровы обобществленные с голоду да от нерадивого уходадохнут». Когда в Котловане закрыли церковь, дед Лёва в Вышний Волочек в действующую церковь на службу пеша отправлялся, а на обратном пути заходил в церковь что рядом с Удомлей была. Гостинец заносил батюшке, который его утешил перед раскулачиванием. Узнал дед, что на днях придут раскулачивать, он и обратился к батюшке. А тот ему и говорит: «За грехи наши Господь наказывает. Надо значит пострадать». Дед Лева каждый год ходил пешком в Вышний Волочек. Как только заканчивалась посевная и начинали вывозить навоз, начинались сборы дедки Левы в Волочек. Дед Макар приносил новые черные валенки, Алексей Никонов подшивал задники кожей. Дед Макар находил старую автомобильную камеру и клеил две пары галошь. (говорили именно Галошь). С клеем постоянно экспериментировали. Всегда мужики пробовали новые варианты. Потом готовился мешок за плечи. Из большой кучи картофельных мешков выбирался самый прочный, тщательно стирался. Если была дырка, то могли и заплатку поставить. Веревку для лямок сучили сами, на углы в мешок вставлялись крупные картофелины. От Бортницы до Прудов провожал дедку Макар. У Никоновых пили чай. Евдокия Петровна Никонова клала в мешок сухари и несколько кусочков сахара. Дед Лева уходил через прогон мимо сараев. До Волочка шел два-три дня. Алексей Никонов предлагал отвести до Котлована или до Удомли, но тот категорически отказывался: «Я все тропинки знаю, с молодости хожу и буду ходить пока силы будут». Вот как описывает уходящего на богомолье деду Лёву Вера Алексеевна Никонова. И как кадр из фильма согбенная спина

деды Левы, уходящего в Волочек, мгновение... и его не становится видно из-за сарая, стоящего на опушке леса. Дальше шла тропинка в лесу. Еще до школы я немного прошла за дедом Левой по лесной дорожке. Увидела большие синие колокольчики, удивилась их мощи и красоте, дальше на Ершов хутор идти побоялась. А колокольчики лесные я теперь сажаю в тени яблонь в саду. Юбку моя бабушка шила. Обновка в деревне-большое событие. Денег на покупку не было, да и все нужно было «достать». Материал назывался «чертова кожа». Дед Лева очень злился когда так называли. «Сатин это, прочный, и зовется молескин. Износу нет материалу то. Раньше так купцы и называли – Молескин, а вы – чёртова кожа» – ворчал дед. Умер дед Лёва в 1962 году. Несли его на руках до Илова. Видно очень народ уважал его за крепость характера. Последнее, что я помню, это его большую седую бороду, которая была видна из открытого гроба на фоне дома Пальки Мишина.

У Леонтия Яковлевича было пятеро детей: Анна, Екатерина 1896, Варвара, Григорий 1900, Иван.

Анна замужем за Александром Цветковым. У них дети: Алексей Вдовин 1920, Павел 1922, Мария Сысоева 1925, Николай 1930.

Варвара замужем за Василием (Александровым?) из Горниц. У неё было много ребятишек. Две дочки утонули, двоих сыновей Алексея и Николая, служивших подпасками, убил в Плоском мужик ни за что. Ещё две дочки Полина и Надежда, сын Иван (г. Киев).

Григорий 25.01.1900 г.р. жена Анна Николаевна 1900 г.р. Дети: Павел 1924, Александр 1930, Татьяна 1932.

Иван бездетный. Вторая жена Валентина Станиславовна.

Иван Яковлевич, второй сын Якова Финогеновича. Жена Евдокия Яковлевна.

Три дочки: Полина Никонова, Анна и Зинаида 1925 инвалид 1 гр.

У Полины дочь Клавдия и 4 сына в Торфяном.

Елена Яковлевна 1880 г.р. замужем за Павлом Филипповым (д. - Матренино). У них дети: Мария 1920, Зинаида, Семён.

Василий Яковлевич 1882 г.р. Первая жена Александра, вторая карелка Наталья Ивановна 1890 г.р. Все дети от первой жены: Александр, Алексей, Ольга, Анна (жили в Твери), Елена, Мария, Александра. Были ещё дети, имён никто не помнит. Василий Яковлевич родился и жил в

Бортнице, потом жил на Замошье, после разорения хуторов в 1939 году поселился в Прудах. Алексей Никонов помог ему наладить производство колес и дуг. Яркий индивидуалист, не мог себя заставить работать в колхозе за трудодни или как он говорил «за палочки». Очень любил париться в бане. У нас каждую субботу был ритуал – приглашать деда Василия в баню, в первый пар. Шли всей гурьбой, он выставил нам мед в сотах. Праздник был у нас, такое лакомство и сколько сможешь съесть без ограничений. Мы приходили человек 5–6 ребятшек, дедка Вася нарезал из рамки мед, ставил ковш воды родниковой (родник у нее был прямо в огороде), брал чистые рубаху с кальсонами, березовый веник под мышку и уходил париться. Мы оставались за столом одни с невероятным лакомством. Баба Наташа возилась рядом на кухне, но она в отличии от деда была скуповата и больше воды не предлагала. В наглую пойти за водой было все таки неудобно, да и бабку не хотелось лишний раз обижать. Добыть еще ковшик воды было делом трудным, страшно дверь скрипела. Надо было открывать очень медленно, не всегда это удавалось, дверь предательски скрипела, бабка Наташа выглядывала из кухни, мы дружно вставали из-за стола и благодарили за угощение. Это была вторая жена деда Василия, гораздо моложе, из какого то карельского села. Очень живая, трудолюбивая и любившая чистоту и порядок в доме. У них скамейки и стол были тщательно ее отшлифованы и каждую неделю покрывались горячим воском с медом. Стены тоже были нежно золотистые. У деда Васи ульев было много. Да и деревня не даром Бортница называлась. Видно издавна бортничали жители. У них долго колоды были. Это уже дед Макар первые ульи по чертежам из журнала соорудил. Дед Вася был очень добрым человеком. В юности он ходил на охоту со Зворыкиным, на всю жизнь остался заядлым охотником, но сам соблюдал и бдительно следил за выполнением правил охоты. Охота в наших деревнях считалась барским занятием и дедово увлечение охотой считали чудачеством, но уважали.

Приехал однажды к нам в Пруды Юлиан Семенов с женой и Генрихом Боровиком на осеннюю охоту на уток. Дед Вася тут принес большую кринку меда, да туесок березовый с сотами: «Вы угощайтесь, а с собой я еще принесу». Очень удивлялся тогда еще мало известный молодой писатель, как встречают совсем незнакомых людей. Он припомнил как недавно нечаянно зашел к приятелю, так тот сделал вид, что куда то спешит. У деды Васи был сын. Внук учился в суворовском

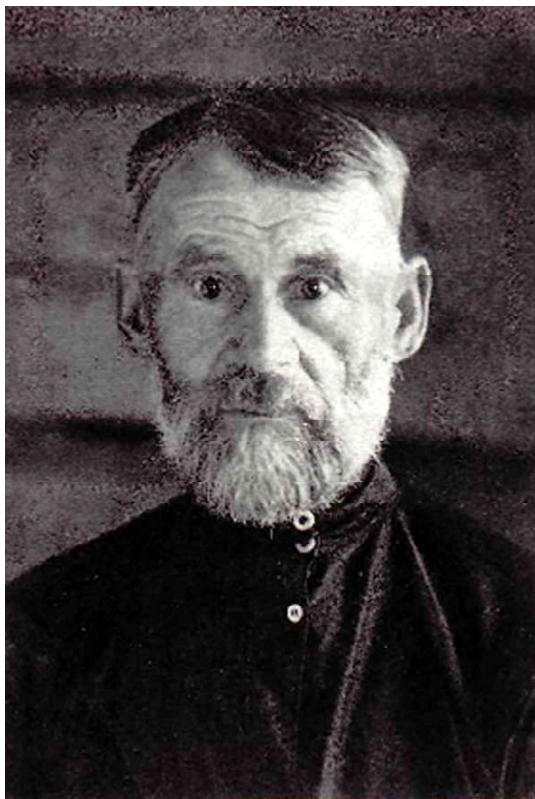

в 1950-е. Приезжал в мундире белом, умный такой мальчик. А над сыном немного посмеивались. Приедет по деревне в костюме походит и тут уедет. Дед Макар прозвал его Журавлём.

Дед Василий с 14 лет работал у Зворыкиных. Сначала ухаживал и дрессировал собак, потом был егерем у них. Он то и учил наших мужиков правилам охоты.

После женитьбы жил своим домом, но зиму работал у Зворыкиных. Особенно он любил организовывать охоту на волков. Зверья всякого в наших местах было необычно много, они сюда бежали от войны. Еды в лесу не хватало и лисы, волки нападали на домашних животных. Зимой организовывал дед Василий охоту на волков. Проверялись веревки с флажками. Дед с округу. Находил где волки ночуют, определял где границы нескольких стай. Потом уж распределял кто будет стоять на номерах, а кто пойдет в загон.

Дед Василий очень любил лес. Знал где и что можно найти полезного. У него были в чащобах свои плантации орешника. Рано утром затопит печку, где распаривался материал для колес или дуг и отправлялся в лес. Никогда и ни кого с собой не брал. Повесит за плечи берестяной кошель, а на руку громадную корзину и быстрым шагом

Яковлев Василий Яковлевич

уходит по одному ему известным тропкам. Вечером мы ждем угощений. Дед щедро ссыпает каждому горсть орехов или подарит мелких сладких яблок. Орехи и яблоки он ссыпал на чердаке на свесы. А посередине чердака стоял его гроб. В гробу дед Василий хранил соты с медом. Соты были накрыты тонким холстом, а уж потом крышкой. Над гробом по всей длине крыши крепились жерди, на которых висели веники: березовые, липовые, можжевельниковые, черемуховые, рябиновые, а также из разных трав. Очень любил дед соленые грузди. Собирал и замачивал где то в ручью, приносил домой и сразу складывал в небольшие бочки, обильно пересыпая солью, укропом и сморо-

диновым листом. Кстати, бочки он делал на всю округу, а также и шайки в баню. Железные обручи не признавал, делал только из распаренной липы или черемухи.

Очень любил крапиву и от него у меня есть несколько рецептов. **Грибы тушеные с крапивой.** Свежие грибы полкило. (Дед Вася признавал только белые). Большая луковица, можно и две. Полстакана сметаны (можно заменить молоком, но тогда добавить две ложки растительного масла). Все выложить в чугунок и поставить в печь томиться. При подаче на стол посыпать крапивой. Перед этим стакан мелко нарезанной крапивы потолочь пестиком. **Каша перловая с грибами и луком.** Сварить 2 стакана перловой крупы в литре воды. Грибы пожарить с луком на растительном масле. **Напиток из пахты с крапивой и щавелем,** он очень любил после бани. (Готовить питье для деда была моя обязанность). На литр пахты добавить по горсти мелко нарубленного щавеля и крапивы. **Напиток из пахты со свеклой.** В стакане кипятка заварить щепотку мяты. Сырую свеклу натереть на терке и залить остывшим отваром мяты, дать настояться и смешать с пахтой, если есть, то добавить горсточку изюма и пару ложек меда.

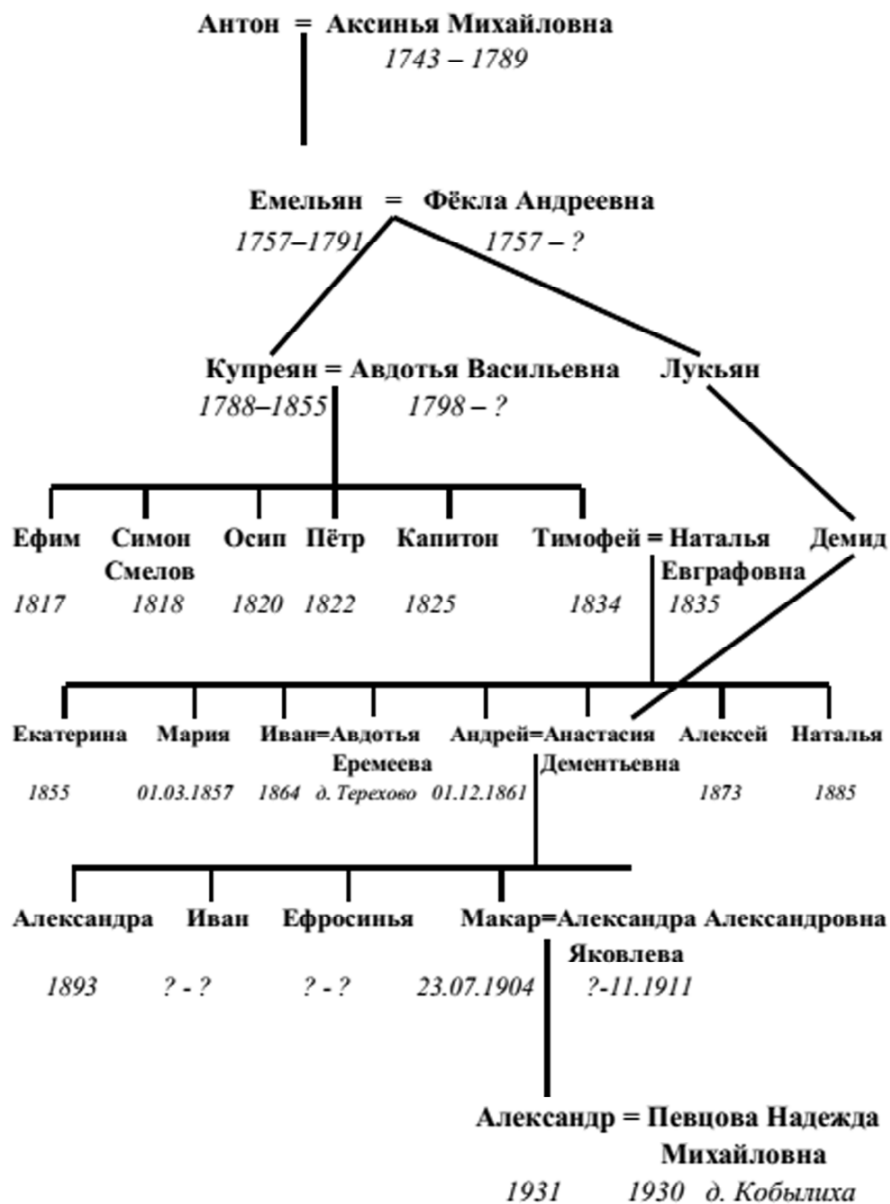
*Слева направо: Ольга Андреевна, Полина Александровна,
Александр Александрович Яковлевы.
Посереде сестра моей бабули, с краю её родители*

Александр Яковлевич 30.07.1883 г. Мой прадед. Жена Ольга Андреевна 02.07.1988г. родом из деревни Горы (около д. Желудова). Дети: Александра 1911, Мария, Прасковья 27.06.1916, Николай 1921–1943, Полина 25.02.1923. Александр Яковлевич был раскулачен и переехал на место жительства в посёлок Красный Май, точнее в Рученское лесничество посёлок 2-я Стража, с женой и тремя детьми: Николаем, Прасковьей и Полиной. Дочь Мария жила поблизости, замужем. В годы войны умерла, дети осиротели, сын её Виктор воспитывался в детдоме г. Торжка. Моя бабушка Александра осталась в Бортнице.

Андреевы

Выше приведено древо рода Андреевых – Тихомировых – Веселовых, живших в Бортнице. Это моя прямая мужская ветвь.

Емельян Антонов состоял крестьянином у поручика артиллерии фурштата Петра Петровича Лупандина в деревне Погорелец Липенского прихода.

Купреян Емельянов – крестьянин, был переведён в Боровичский уезд в сельцо Тоболу в 1807 году в подчинение помещика коллежского асессора Филиппа Петровича Лупандина дворовым человеком. Примерно в 1828 году Купреян с детьми, кроме Тимофея, переезжает из Тобола на застройку новой деревни Бортницы уже в статусе не дворовых, а крестьян. С 1834 года они принадлежат помещице вдове Наталье Григорьевне Лупандиной и заселяют Бортницу.

Ефим Купреянов переведён в д. Погорелец (Липенский). От его сына Петра дети: Александр 1898, Евдокия 1903, Василий 1908 Волковы.

Симон Купреянов Смелов переведён в сельцо Князево в 1854 году. Видимо бездетный, неженат.

Осип Купреянов жил в Бортнице. Сыновья: Филипп и Александр, от них пошли Филипповы (на хуторах) и возможно Александровы.

Капитон Купреянов, жена Агафья Алексеевна. От них дети: Яков 1853, Алексей 1857, Матрёна 1848, Прасковья 1855, Олимпиада 1859. От Алексея Капитоновича сын Михаил Байков 1888, жена Пушкина Анна Михайловна 1880, их дети: Анна 1914, Павел 1917, Фёдор 1919, Антонина 1924, Александр.

Пётр Купреянов, рекрут. Бракосочетался после многолетней военной службы в Котлованской церкви. Предполагаю, что от него был сын Пётр, вышедший в дом к Ольге Михайловне Певцовой из Кобылихи. Стали носить фамилию Петровы.

Тимофей Купреянов – мой прадед. 05.01.1834 родился в д. Бортнице, крещён в Иловской церкви. Крёстный его сельца Князева дворовый человек Фока Иванов. Женат на Наталье Евграфовне, крепост-

ной крестьянке г-д Лупандиных из Устюжского уезда деревни Тимофеево (ныне Пестовский район).

Екатерина Тимофеевна и **Мария Тимофеевна**. Ничего не известно, кроме того, что была какая то родня в Юрино и Горницах. Куда вышли замуж, не знаю.

Иван Тимофеевич. Никто о нём в семье не упоминал. По делу о краже денег в 1896 году из церкви села Илово он проходил в качестве подозреваемого, так как имел репутацию лихого человека, носил кличку «Волк». Был оправдан. В деле в анкете указано, что он родился в 1864 году в деревне Бортнице. Имел трёх детей, проживал в д. Терехово. Предполагаю, что он потом проживал в Вышнем Волочке, так как сестра его жены была мещанкой этого города. Отец говорил, что была какая то родня.

Андрей Тимофеевич 01.12.1861 г. Крёстный – д. Бортницы крестьянин Николай Афиногенов. Крещён 2-го декабря священником Иловской церкви Казанской Божией Матери Михаилом Новоспасским с пономарём Семёном Соловьёвым. По словам родителей любил грешным делом игру в карты. Собирались с мужиками в бане играть. Один раз проиграл кому то с Новгородчины (с Горниц что ли?) кобылу. Новый хозяин повёл её в свою деревню, баба Настя в слёзы. Вышли дети: Макар и Иван, не отдают лошадь. Дед Андрей – драться на них. Насилу потом упростила баба Настя вернуть кобылу. Другая история тоже с лошадью. Ехал дед Андрей на телеге с деревни Горы, и с тамошней горки опрокинулся с воза, повредил себе что то, да после этого падения больше и не отошёл, так и помер. Отец помнил его только мёртвым, «в гробу лежит с бородой». Было это примерно в 1935 – 36 гг. Женат Андрей Тимофеевич на троюродной сестре Настасье Дементьевне 21.10.1862 г., дочери Демида Лукина (с-цо Князево, потомство Демида потом проживало в д. Юрино). В д. Ермолино тоже была бабы Насти родня.

Алексей Тимофеевич Тимофеев (Веселов) 1873 г.р. Первая жена Наталья Арсентьевна, вторая – Екатерина городская (горшок подарила бабушке Саше, у нас дома сейчас лежит). Алексей Тимофеевич на охоту ходил, кадки делал, внук его Николай Веселов ремесло перенял

(у нас его бочонок был). Его дети: 1 Агафья 1895, замужем за Иваном Яковлевичем Петровым 1900; 2 Евдокия 1902 замужем за Петром Михайловичем Мальдовым; 3 Мария 1904 замужем за Василием Арестовичем Доброходовым (д. Иктушка); 4 Василий погиб в Финскую войну 22.12.1939 г. – крёстный отца, жена Екатерина Леонтьевна Яковлева (д. Бортница), их сын Николай Веселов 1931, 5 Антонина 1913 замужем за Михаилом Фёдоровичем Смирновым.

Наталья Тимофеевна замужем за Ивановым Иваном Васильевичем (д.Вакарино). Дети: Иван*, Леонид, Сергей Ивановы (погибли в ВОВ); дочь Вера 1923. От Ивана* были дети: Зинаида, Александра, Вера, Леонид (Вакарино).

Описание рода Андрея Тимофеевича

1 Александра 1893 г.р. замужем за Александровым Николаем Александровичем («Пуляшка», быстро и много говорил). Дети: Алексей Тихомиров 1922 (Котлован – Ивантеевка Саратов); Николай Тихомиров 1925 (Новгород ул. Попова); Александр Тихомиров 1935 (Котлован); Павел 1939 (Котлован, неженат); Клавдия 1931 и Анна 1932 – обе в г. Черняховск Калининградской обл.

2 Ефросинья замужем за Михаилом Шаровым. Переехали в Медведово (Бологое). Дети: Николай Шаров и Алексей Шаров (Бологое), крестники деда Макара. Один из них был на похоронах деда Макара. Потомки найдены в Бологое.

3 Иван Андреев старший брат деда Макара. Ушёл рано на заработки в Питер. Там и умер во время блокады. Был два раза женат. Первая жена из Бортницы Тимохина, загуляла, бросил. Вторая жена из Питера, взял с девочкой. Девочка писала бабы Насти, что умерли мать и Иван. Огромный список умерших в блокаду Андреевых Иванов Андреевичей, установить из него нашего Ивана невозможно.

4 Макар Андреев 23.07.1904 г. Женат на своей бортницкой – Александре Александровне Яковлевой. Бабушка в 19 лет замуж вышла. «Тятка, отбей мне косу, я к Макару косить пойду» – спросила позволения у отца, да так и стала с Макаром жить до самого последнего дня.

Мой дед, высокий, степенный, ходил прямо, как свеча. Служил в 1924 году в переменном составе 144 полка в Вышнем Волочке. Был осужден в 1936 году по ст. 58 на три года, отбывал наказание в Бежецкой тюрьме до 1939 года. 14 июля 1941 года был призван на фронт, принял присягу 5 сентября 1941 г. в составе 1015 стрелкового полка. Во время наступления на Ларионов Остров (под Киришами, Волховский фронт) 10 сентября 1941 г. был легко ранен в руку осколком от миномётного огня противника. После ранения попал в распоряжение 452 стрелкового полка. Воевал против финнов в районе реки Свирь (Ладожское, Онежское озёра), был брошен на Карельский фронт в район Алакургити, где вошёл на территорию Финляндии. Оттуда полк перебазировался в район Кандалакши, где стал готовиться к Петсамо-Киркенесской операции. Принял участие во втором эшелоне

не. Встали полком в освобождённой Печенге, очищали поле битвы от мин и трупов. Демобилизован из района Западная Лица (Мурманская обл.) 28 июня 1945 года. Рассказывали родители, что деду на фронте сон снился, что мама умерла. Так и случилось. Вернувшись домой, устроился в Котлованское лесничество лесником и прослужил там до пенсии. Был хорошим плотником, рубил дома, мастерил столы, скамейки и прочее добро. Ходил по лесу с ружьём. Носил часто глухарей, тетеревов, любил собирать грибы. В осеннее Казанское (4 ноября) дед Макар взял кузов и по снегу пошёл за грибами и принёс гору грибов домой. Сидели гости у нас Комковы: «Чего он, с ума сошёл, за грибами по снегу?» А дед, оказывается насмотрел до снега место (тепло было), да и принёс корзину, гостей удивил. Никогда не видел деда курящим в Волошно, а в Бортнице он курил. Любимая поза деда Макара-сядет нога на ногу, положит на колено нагруженные руки, потом закурит. Самокрутки крутил неторопливо. Квадратики бумаги, заранее нарезанные лежали в кармане брюк, в другом – кيسет с самосадам. Бумажку берет в руку и ловко с одной стороны где то на сантиметр делает загиб. Держит бумажку в левой руке, а правой достает из кисета щепотку самосада и ровненько насыпает по всей длине, скручивает и конец смачивает, проведя языком. Также неторопливо чиркает спичку, зажигает и недогоревшую спичку засовывает под низ спичечного короба. Папа у нас не курил, да и курить в доме бабушка позволяла только деду Макару. Вот и запомнилась его привычка. *(далее – воспоминания Веры Алексеевны Никоновой).*

Дед то Макар лысый был, единственный в округе. Лысины своей стеснялся, даже дома ходил в головном уборе. Кепки у деда Макара были с большим козырьком. Фуражки дед шил сам. У него специальное лекало было. Козырьки дарили приходившие из армии. Снимет свой головной убор и половина лица белая, а нижняя часть прямо темно коричневая. Войдя в дом, он у порога фуфайку снимал, а кепку уже когда под божницей садился, рядом клал на скамейку или на коленку себе вешал, когда на лавке еще кто-то сидел. Бабу Сашу, жену деда совсем не помню. Видимо она все больше по дому, дед был в доме главный. В Волошно у него в красном углу гвоздь рядом с божницей был. На обед садился, на тот гвоздь кепку водружал. Бабушка с краю садилась «перемены» с печки таскать. Дед Макар, как многие в Бортнице, пчел держал, ульи первый сделал по чертежам (у всех были ульи-колоды, по старинке). Но как-то оставил на зиму мало сот в уль-

ях, а весна была затяжная. Пчелы были истощенные и какая-то пчелиная болезнь навалилась. И не стал дед больше пчёл держать.

Дед был лицом суховат, лицо в крупных морщинах. Часто резался при бритье опасной бритвой, ранки кусочками газеты залеплял. Спокойный, неторопливый, говорил тихо. Но рассказчик был отменный. Дед Макар раз в неделю обязательно ходил из Бортницы в магазин в Прудах. До открытия магазина, ходил в Пашнево. Бабушка Настя (Никонова) всегда его поджидала, самовар поставит, бабашек напечет побольше, чтобы мы позавтракали и гостю осталось. Любил дед Макар бабушкину драчену. Это в картофельное пюре добавлялись яйца с молоком и в печи на сковороде пюре запекалось. Придет дед Макар, сядет за стол в красный угол, кепку или шапку рядом положит и начинает о чем-нибудь рассказывать. Мы забираемся на печку и сидим тихо, слушаем. Постепенно приходят соседи: бабка Маша Фадеева, дедка Саша Виноградов безрукий, глуховатый дедка Вася Яковлев, бабка Дуня Землякова... Жили все очень скромно, а гостей обязательно старались угостить. Картошку отварят в мундире, да капуста с огурцами на стол поставят и все довольны.

Особенно дед Макар любил рассказывать детям страшные истории. Одну хорошо запомнила. Будто бы на берегу ручья, когда был он ещё совсем маленьким, встретил русалку и она просила передать жене их домового, что мол сестра умерла. Пришёл домой рассказал об этом матери и они услышали, как за печкой кто-то громко заплакал. Рассказчик дед Макар был прекрасный, так образно описал русалку и ручей, что до сих пор помню. Если история выходила смешной, смеялся сам от души широкой белоснежной улыбкой. Хотя зубы у него были, как он говорил – «казённые», потерял на фронте в Заполярье. Когда дед привирал, подначивая собеседника, подводя рассказ к смеху, сам при этом оставался совершенно невозмутим, позволяя первой рассмеяться компании.

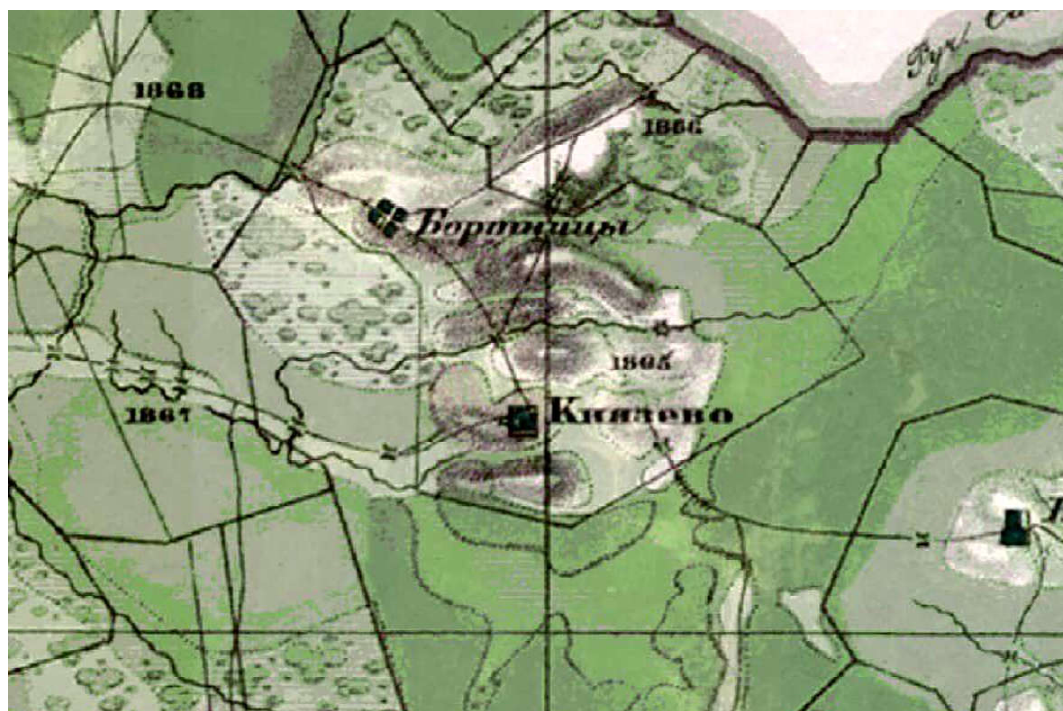

Мой дед Макар Андреевич

Не помню, чтобы выпивали за столом в обычные дни. Самогонка и пиво – только по праздникам. Дед Макар брагу для самогонки делал из ржаной муки и картошки вареной, половина на половину. Моя мама предпочитала в ржаную муку побольше сахара добавить. За картофельной брагой нужно бдительно следить-перебродить и запах из конечного продукта не тот. Про брагу и самогон. Примерно недели за две ставилась брага на самогонку. У каждого в доме был самогонный аппарат. Милиция пыталась бороться, проводила рейды. Но чтобы они особенно не искали вышедший из строя аппарат, ну, например, корыто лопнуло, – выставлялся где-то почти на виду. Протокол составляли, аппарат уничтожали, т.е. корыто разрубалось, а змеевик вновь шел в дело. Самогонку гнали в бане. В котел наливалась брага, он закрывался крышкой, в которую был вставлен змеевик. Крышка по краям обмазывалась густым тестом. Основная часть змеевика лежала в корыте, наполненном водой. У корыта ставилась бутылка, куда и капала самогонка. В Волошно у деда тоже был самогонный аппарат. Тайком ночью в 60-х, 70-х годах самогон в бане варили, хоронились от людей, аппарат прятали под сеньями, зарывая в солому.

Варили в деревнях и пиво. Пили его на Престольные праздники. Об этом сейчас немного расскажу, уже отойдя от описания своих бортницких родичей.

Бортница и окрестности на карте Менде, 1853 год

Немного обо всём

4 ноября – Престольный праздник в Бортнице, Князеве, Кобылихе, Прудах, во всём Иловском приходе. 12 июля отмечали Петров день в Юрино.

Еще в 1960-е не были забыты старые традиции отмечать по деревням престольные праздники. В каждой деревне отмечался свой. Например, в Прудах – «Летняя Казанская». Знали у когда у кого престольный праздник. К вечеру первого дня собиралась молодежь холостая, а на второй день подтягивались остальные. Как то задумалась, а почему же праздник начинался в первый день только к вечеру. И догадалась, с утра население деревни в церковь на службу ходило, исповывались, причащались.

На престольные праздники приходили без приглашения. Сходить на праздник в Ореховно просто как обязанность была, не придут, – обидятся. Да и могут не пойти с обратным визитом. Гости не сомневались, что обязательно будут сытно накормлены. Парням и чарку подносили. Пиво пили все. Посидят за одним столом, приходит сосед и приглашает всех присутствующих к себе. Так и ходят по деревне. Кто уже насытился, начинал веселиться, идя на звуки гармошки. Ходить артелью было не страшно. Множество тропочек пролегало от деревни до деревни, до хутора одинокого. А вот одному случалось натолкнуться и на живность какуюнибудь, не составляло труда. В деревне Липны жила наша соседка старушка Прасковья, зиму жила у племянника, а на лето приходила пешком в д. Бельково, где у нее был свой дом. Шла через Лапиху, болото, где медведи обитали. Мои тети как то шли через Лапиху и наткнулись на медведя, медведь встал на задние лапы и зарычал. У младшей тети Мани волосы встали дыбом. Она после этого долго боялась в лес ходить, бригадир пошлет ее в лес, она ни в какую. А вот молодёжи – хоть бы что.

Гуляли, песни пели:

*«Мы ребята ёжики
У нас в кармане ножики
Ножики не точены
Ребята не колочены».*

Раз в Сидоркине гуляли, парня с Гришкина убили, толи покалечили двое Комковых из Кобылихи. Иван возрастом был почти под стать старшему племяннику Николаю. В ту пору драки – жестокие, с кольями, когда шла «деревня на деревню», были делом обычным. Было это весной 1941 года. Николая уже ждала повестка в армию, по призыву. О войне тогда мало кто думал, а для деревенского парня служба в армии виделась верным спасением от голодухи и бесправия. В общем, родня уговорила Ивана взять всю вину на себя. В итоге погибли оба: Николай в первый же месяц войны пропал без вести где-то под Брестом, а Иван сгинул в лагерях. (воспоминания Л.Г. Гомзяковой (Комковой)). Осталась песня-частушка, написанная одним парнем с Иктушки:

*«Подсудимая скамеечка
Обломаны края
На скамеечке сидели
Два Комковых, третий – я».*

В Юрино братья Ильины слыли дракунами, с бортницкими дрались и с другими ребятами. Отец мой шрам носил на голове. Девоч не поделить, или удаль в крови кипела, а дрались знатно, до крови. Были беседы и вечёрки более покойные. Лидия Погодейкина вспоминает. Моя мама и ее старшая сестра в девичестве жили с родителями в деревне Юрино. Анна, так ее звали, рассказывала, что пойдут на вечеру, брали куделю и прялку и должны были всю куделю спрясть. А ее ухажор взял куделю и сжёг, что бы она разговаривала с ним и не отвлекалась. Бабушка ее бранила. Девчонки в избе куделю пряли, песни пели:

*«Девочки молоденьки
Дайте мне смородиньки
Сморода – ягода в лесу
Погодите, принесу».*

Плясали под гармошку.

*«Выхожу плясать чечётку
Подтяну я ремешок
90 песен знаю
Ещё дома есть мешок», –*

пел Саша с Вакарина.

*«Я плясала у реки
Потеряла башмаки
Обернулася назад
Башмаки мои лежат».*

Ой, много, все не записать.

Пели песни и взрослые мужчины. Дед мой Михаил Константинович Певцов, бывает, выпьет маленько, лежит на диване и поёт:

*«Сударушка Варварушка
Конфетница моя
Конфеты ела, говорила
Выйду замуж за тебя».*

Песня его любимая была «Вдоль по улице метелица метёт».

Работали много и гуляли, а дома хозяйки стряпали. Чугун большой и для скотины надо скипятить, и опару поставить и семью стряпнёй накормить, только с ухватом поворачивайся. Ели встарь по-проски: то кисель овсяный, щи кислые с мясом и постные, летом ботвинью, колобушки пекли пшенисные, гуцу с маслом льняным, пироги с репой и прочее. Были перемены и побогаче, когда скотину заколят, да не постный день. Всё надо успеть, обиходить, со стола начисто опакать, да и подавать на стол.

Вера Алексеевна вспоминает. Порядок в домах был у всех. Но запахи разные были в избах. У нас стоял запах хлебный. Бабушка пекла хлеб 2-3 раза в неделю. (Большинство пекли хлеб раз в неделю). Бабашки бабушка пекла на дрожжах, а шкварки хранились в топленом сале. Сметаны у нас почти не было, не успевала настояться. А вот уж у папиной матери, бабы Дуни к бабашкам всегда густая сметана была. Еще в томленные ягоды сметану добавляли и с бабашками поесть было большое удовольствие.

Я всё вспоминаю, когда скотину какую-нибудь заколят, то делали обязательно рубец. Вот блюдо то отменное! А чистить это рубец надо было очень долго. Заколят животное, и на плите суп варится, называли его цыганским. Он как бы на живом огне, быстро делался. Обычно то все в печки томилось с утра. Эх, шей бы сейчас из серой капусты да со свиной!

Вообще приготовление еды много времени занимало. Но как то радостно за стол садились. Так теперь хочется на теплую русскую печку, спину погреть, пока у бабушки томятся серые щи, испечен хлеб и остывает. Драчену она делала, но масло то редко бывало и добавлялась сметана, но тоже не всегда. Сковороды были круглые но без ручки, все равно ручка быстро отгорала. Обычно драчену готовили к обеду. Угли и зола сметались с пода по сторонам, близко к углям ставились чугуны с первым, вода и картошка на корм скоту. Сковорода с драченой занимала место посредине.

Говорили в наших краях, когда человек околесицу, блажь какую-нибудь несёт, мол: «Эна, Ваня то Глазовский! Городит что попало». Был ли такой человек, откуда он, кто-то наверно знает. Мне бабушка Саша говорила, что приходил к ним в дом не то глупый, не то Христа ради юродивый, толком говорить не мог, а только топчется возле печи, где хозяйка стряпает и причитает: «Вариточек, вариточек!» Бабушка называла его как то, но не помню уже как, может и Ваня Глазовский. Глазово-то недалече было, в Мошенском районе, оттуда в гости к нам часто ходили, да и мы к ним.

Чертовщина и прочие предания

Поминать в нашем доме имя бесовское было не принято. Баба Саша называла его при случае «он».

Один случай от деда Макара слышал. Чья-то свадебная упряжка подъезжала на санях к открытым воротам, а кони встали как вкопанные, с места не стронуть. Пока не осенили крестным знаменем эти ворота и лошадей. Чей-то наговор был наложен. Ещё дед много рассказывал, но ничего не запомнил.

Сергей Кабажов (с.Котлован):

Решили богатые помещики свою церковь украсить в Липнах. Везли из Твери «Егорья» из чистого золота. И дошли до того места, где кладбище, и встали кони. Ну а раньше здесь у нас, как? В нашем Удомельском краю с Новгородом более языческая вера была; и в церковь ходили, и шли к колдунам. Так же и в народе до сих пор: скотинку не в церковь поведут, а пойдут к бабке шептать. Бабка сольки даст, пошепчет, и скоту дескать поможет. И вот эти помещики привели колдуна. Тот и так и сяк коней, призывали и водяных и всяких, но... ничего. Он говорит: «Не могу я, не в силах. Кто-то коней не пускает. Князь мой пришёл, не пускает к этим лошадям». Ладно... А вот, где клуб вот здесь (*в Котловане – С.А.*) жил какой-то отшельник-монах или Алексей или Матвей. Он был слепой этот монах. И говорят, что в какую-то войну, которая была здесь, его ослепило огнём. Он пришёл, встал, ощупал и говорит: «Не хочет Егорий отсюда идти. Снимайте его». «А как же так, – говорят крепостные, – нам же барин дал деньги, мы же отвечаем за всё». «Не переживайте, золотой крест висит на ледяной горы», – отвечает монах. (На Ледянке грабили купцов в непроходимом Липенском лесу, ездивших с Новгорода на торг в Котлован). «На ёлке висит, не переживайте, а барин вам в ноги поклоняется». Ну что ж, они сняли икону, лошадей никто не погонял, они сами пошли. Поставили Егорья, три дня стоял у вековой сосны. (На повороте к Липнам, эта сосна-то и стояла). Потом люди пришли к монаху за советом: «Отче, расскажи, что нам делать?» «А что вам делать, – корабельные сосны рубить да ставить часовню. Не пойдёт Егорий с огненным мечом дальше». Крестьяне: «А что нам делать?» «А вы погост будете здесь делать, людей своих хоронить. Но время придёт, сравняется всё,

камушка на камушке не останется от часовни». Старики мои помнили хорошо, в часовне стояла икона до 1928 года. Потом кто-то эту часовню разобрал на двор для скота, а икона потерялась.

Про Машу Хомутовскую? А-а-а. Это я могу рассказать!

В Хомутове жили, это хутор Хомутово, – туда. У этой Маши был дедка престрашный колдун. Ему 12 Князей поклонялись, он силу над ними имел, они ему работники были. Потеряется скотина, придут к нему и скажут: «Григорий, скотина потерялась!» А он: «Святая-то вода вам не поможет, а моя-то душа вам расскажет где». Старый уже был, а детей не отделял, все три сына в доме у него жили. Взяла (как рассказывает бабка, это ихняя молодуха), взяла Анна конфет, да не перекрестила, положила в сундук, Мишка с Гришкой подходят, да и говорят: «Нюшка-то конфеты положила, а печать-то не положила». Она пришла, – нет конфет в сундуке. Приходит, а фантики-то валяются.

А самый-то главный был у них Мишка, над ним командующий, он от Князя Тьмы посланный в услужение. Она ему: «Мишенька, да я кольцом тебя задарю. Не трогай ты больше».

Ну, дедка заболел, а «им» не помереть. На том свету Господь чашу приносит смертную. Ангел приносит чашу смертную. Если ты чистый, ты выпьешь эту чашу. Потом, как к Христу придёшь, 12 поклонов ты будешь делать. И задаст тогда Христос 16 вопросов, попробуй не ответь ты! И человек помирает, воду ставят, душа омывается, и она до сорокоуста над домом летает. А потом, после сорокоуста идёт душа к Христу кланяется, а потом Пречистая Дева только душу примет. А если ты нечистый, к чаше эфиопы не пустят, лестница высокая, от земли до неба поставлена, и по той лестнице душа грешного идёт...

Ну, ему не помереть. Они и так и сяк, – дедке не помереть. А Машка небольшая девчонка бегают, они ушли в поле, а дедку в пустую избу поставили. А он подходит и говорит: «Машенька, подойди ко мне, я тебя благословлю, уста иссохли, пить хочу. Нюшка-то воды принесла?»

– Да, дедушка.

Он её за руку то взял, «их» пустил, а управлять-то не научил. Дед-то и помер. Её и заломали.

А в Ермолине жил Семён, а он партийный был, он и церковь Иловскую Пречистинскую грабил... Приходит. «Пойду, погляжу, – говорит, – что Машка мне поврёт». Ну, ладно, что вы думаете, входит она, входит он. Машка сидит растрёпанная, а её «эти» утешают, срамные песни поют на ухо. Нечистая сила, развратное всё. Он входит в избу-то, да кланяется, а она сидит хохочет и говорит: «Хорош Сенька. Сенька-то пришёл, а лошадь-то забыл. Телега-то по одну сторону, а лошадь-то по другую, а посередь-то – тын». Он выскочил из избы, лошадь-то за тыном, а здесь – телега... Всё, видят, что девку-то ломают. Кто с «ними» водится, им же работу надо давать. Или кому зло делать, или из песка верёвки вить, или воду считать, сколько в озере, в колодце литров. А так они спать не дадут. С Пресвятой Богородицей водишься – тебе тихо, а с нечистой, – они тебе спать не дадут.

Ну, ладно, привели её в Пречистенскую к Тархову, к отцу Аристарху, был он в Иловскую церковь пришётцы. Привели отчитывать. Так представляешь, во всей церкви было не зажечь ни одну лампадку, ни свечи. Шесть мужиков за руки держало, не справиться. Всё тухло. Священник говорит: «Не в силах я, сильная сила в ней». Шесть мужиков и... не справиться. И Семён был. Маша ему: «Партийный, а сам крестик с ребёнка снял, на себя повесил!» Как будто дома у него была, видела. Забрали её дядьки и молодухи, а потом повезли в Питер на Серафимовское кладбище, а там жил старец. Тот её отчитал и сказал: «Три месяца не ходи мимо своего погоста, там «они» плачут над могилой. Через трое суток «они» на небо поднимутся». Вот только тогда эту Машку и вылечили.

Вот это – Хомутовская Машка и была.

Завершить это сказание и книгу лучше всего светлым поминанием предков наших деревень, нашедших свой приют в Илове Пречистом, древнем погосте, где стояла церковь.

Хотел рассказать своими словами, но нет. Есть повесть уже написанная Н.С.Кокориным в книге «Котлованщина». Это настоящий финал старого уклада, обычаев, святоотеческих преданий, бытовавших в нашем Иловском приходе. Читайте и помните.

Н.С. Кокорин Иловский случай

Когда впервые услышал рассказ о случае в селе Илове, подумал – обычная выдумка. Вымысел по известной схеме: грешник публично обличает бессилие Бога, Бог карает его. Борьба между людьми, верующими в Бога и отрицающими его существование идёт уже два тысячелетия, и будет продолжаться в третьем, пока существуют две противоположных категории: вера и безверия. Как день и ночь, как добро и зло, правда и ложь. Эта борьба то затихала, то вспыхивала с новой силой. В 1930-е годы атеистическая пропаганда достигла апогея, заканчивающегося снятием колоколов с церковных колоколен. Церковь была обеззвучена. Теперь она не могла общаться с верующими, звать христиан к объединению вокруг Бога с помощью сотен и тысяч колоколов. В этом апогее богохульства и порицания церкви были свои энтузиасты, активисты и пассивные наблюдатели за происходящими событиями вокруг церкви. Советская власть вела открытую и жестокую борьбу с религией, как с дурманом, опиумом народа... Иловский сельсовет, как часть советской власти, принимал участие в антирелигиозной работе на селе. Колокола с Иловской церкви сняли приезжие специалисты. Вынос из церкви икон и организация их сожжения на костре была поручена нескольким местным жителям-активистам. Утром активисты, вооруженные топорами, вошли вовнутрь церкви, чтобы приступить за работу, на выполнение которой они согласились в сельсовете. Они были поражены красотой и величием икон с изображением святых и библейских сюжетов и заколебались, не смогли поднять топоры на святыни, которым когда-то поклонялись. В этот критический момент сказал свое слово Семен Марфушин, здешний мужик, которого привлекали новизной и необычностью, а также смелостью рассуждений, некоторые статьи из антирелигиозных журналов, которые помогли ему утвердиться на атеистической позиции. Воздействуя личным примером и энтузиазмом, он сумел расшевелить своих товарищей и наполнить их сердца решимостью.

На церковном дворе разгорелся костёр. Товарищи подносили к костру иконы, а Семен разбивал их ударами топора, колот на части и бросал в костер, как дрова на поварне. Он убежденно говорил: – Теперь все убедились, что икона – это доска, покрашенная художником, таким же человеком, как и мы с вами. И никакой силы в ней нет! Я

столько сегодня нагрешил против Бога, что у меня должны были давно отсохнуть обе мои руки. А я, смотрите: перерубаю крыло ангелу, и — ничего, Бог терпит! Хотите, я плюну в его глаза и пусть мои глаза лопнут, если есть Бог! И верно, он несколько раз плюнул в чудные глаза ангела и тот не отвернулся. А Семеновы глаза победно сверкали: — видимо, нет в этих досках силы! Это значит — нет Бога и нечего нам бояться. Ломай, круши, жги, всю эту религию! — А мы — дураки, тысячу лет верили в эту чушь! Но теперь хватит, полно — мы все поняли, мы умнее стали! Зимний день короток. Догорал костер на церковном дворе. В церкви много еще осталось недобитых святых, на завтрашний день работы хватит... Товарищи будто нехотя, прощались до завтра. Приходили женщины, срамили богохулов. Опираясь на клюковки, приходили старухи, грозили божьей карой. Семён смеялся, снова и снова топтал огарки икон, демонстрируя бессилие Бога. А ночью случилось то, что местное население восприняло как чудо: Семёна Марфушина разбил тяжелый приступ паралича, и он через какое-то время умер. Более всех были поражены случившимся его сотоварищи. Они отказались завершить начатый погром в церкви. Ободренные люди вошли в открытую церковь и унесли по домам оставшиеся иконы. От этих людей я и услышал эту историю. Одну из икон Иловской церкви мне довелось увидеть у пенсионера П. Это был архангел Гавриил в образе чудного юноши. Всем существом своим он излучал животворный свет, свет тепла и любви к людям. Этот свет падал и на тех, которые семьдесят лет ссорились, рвали друг другу рубашки, ненавидели, крушили старое, ударными темпами возводили новое, но так и не построили счастья ни себе, ни потомству. Знайте и верьте — новую жизнь злобой и насилием не построить. Нет.

В последние годы перед закрытием церкви Казанской Пресвятой Богородицы, в ней несли службу: настоятель священник Аристарх Михайлович Тархов, дьякон Михаил Дмитриевич Орлов, псаломщик Иван Семёнович Соловьёв. Время богослужений и обрядов в церкви было уже новой властью отмерено и, в 1937 году 17 октября расстреляли «последнего попа» Михаила Яковлевича Ивановского. Он после ухода священника Тархова служил уже до разорения и поругания святынь. Следом за Ивановским судили и Семёнова Фёдора Фёдоровича, служившего псаломщиком в церкви.

А ведь ещё до революции у священника Аристарха Тархова была приходская школа. И ей суждено было таковой стать, но уже без колокольни и икон, с портретами новых вождей на классных стенах.

Сам батюшка Аристарх роста среднего, с бородкой, очень хороший. Ходил уж при советской власти по деревням и хуторам (д. Городки) с крестным ходом. Сам он обладал уникальным каллиграфическим почерком, был очень грамотным учителем. Местное население очень любили Тарховых, были все в почете. Сын Аристарха Михайловича – врач в Москве прислал матушке Евдокии книгу-травницу. Матушка лечила травами, но не была знахаркой, как часто бывает в деревнях. Школьники собирали травы, земляничник, черничник и т.д., носили матушке, за что детей кормили мёдом, они держали пчёл.

*Семилетняя школа в Илово.
Бывшая церковь Казанской Пресвятой Богородицы*

В марте месяце 1937 года в ещё церкви при священнике Ивановском был произведён ремонт. Делали его: кладовщик Лавров Сергей, Кудряшев Павел, Михайлов Михаил, Смирнов Фёдор и Сорокин Павел (тот, что жил на хуторе «Стрелка» под Кобылихой, друг моего деда Михаила Певцова).

Здание бывшей церкви определили под школу где то в 1938 году. В 3 и 4 классы ходили в конце 30-х годов в здание, стоящее под горкой (*где то близ места, где мы заходили к старому погосту – С.А.*). В течении времени 1-2 и 3-4 классы занимали разные здания, менялись местами. Это всё бывшие «поповские дома».

Если те две школы были для начальных классов, то из той сделали семилетку. Один из преподавателей 1937 года – Владимир Андреевич Ши(а)банов погиб в войну в Белостоке.

Лавку для торговли после запрета частной торговли в селе Илово определили под молзавод.

Учились где то до 1942 года. Потом на время войны закрыли уже до 1948 года. Анна Яковлевна Певцова стала первым директором после перерыва, молодая девчонка 25 лет. Ездил в августе месяце в Удомлю за стеклами для ремонта, партами... а 1 сентября и открыли.

Двери в школу были со стороны 2-х этажной пристройки. Престарелый церковный вход с западной торцевой стороны был как запасной. Метров в 10 от старого церковного входа стояла сторожка, в которой жил технический служащий со своей женой (бездетные из д. Савино). Ещё одна такая сторожка была в нескольких метрах по дороге в сторону Терехова, бывшая церковная сторожка, потом был класс для учеников. Местечко на горюшке.

Место, которое мы посчитали за склеп при церкви, когда посещали погост в 2015 году, видимо таковым и являлся. Анна Яковлевна в один голос с братом указали, что это место туалета. Моя мама видела, как копали яму под школьный туалет, вынимая при этом гробы-долбленные колоды. В них кости и черепа с длинными волосами. Мама не могла неделю в чувства прийти, а было ей лет 6-7.

Наши деды здесь венчались. Кого крестили, кого-то отпевали. Но мы в детстве об этом не задумывались. Могила моего деда была рядом с алтарем. В пятом классе я училась в школе, переделанной из этой церкви. В алтаре была устроена кладовка для учебных пособий. Помню искала нужную карту для урока географии и увидела могилу деда Никиты, около которой присела на камень бабушка Евдокия. Весной на переменах играли на кладбище в прятки. Был в нашем классе Женя Лосев, кажется из Желудова. Он взбирался на памятник из черного гранита и громко пел: «22 июня, ровно в четыре часа....». Учительская находилась в колокольне. Потом здание разобрали и перевезли в Удомлю. (*В.А. Никонова*).

«В старое время не ставили кресты, а были камни»¹

Камень в Илово со следом и крестами возле алтаря

Камень-следовик у деревни Юрино

*«Провокатор бортницкий», как называл меня дед Макар.
На бортницком крыльце, 11 месяцев*

* (Постников Н.Д. Указ.соч.с139)

** (ГУ ТЦДНИ д.4168-с г.Тверь).

*** РГАДА Ф.1209 оп.39 Регистр 2-го отделения архива по городу Новгороду переписной 4-й книги 175 года общий – №8562.

Так же многочисленные материалы архивов РГАДА, РГИА, ГАТО (Тверь), Удомли, Вышнего Волочка

Воспоминания родителей, Веры Алексеевны Никоновой, Лидии Георгиевны Гомзяковой (Комковой), Лидии Погодейкиной (Байковой), Татьяны Григорьевны Виноградовой, Анны Яковлевны Певцовой, Сергея Кабажова¹.

*С благодарностью ко всем, Сергей Андреев.
19.04.2020г.*

Установка креста на Иловском погосте

Поклонный крест на Иловском погосте

Боже, милостив буди к нам грешным!

На сем месте, в погосте Георгиевском в Илово, упомянутом впервые в 1545 г., стоял деревянный храм Казанской иконы Божией Матери с приделами в тёплой церкви Святителя Николая и Богоявления Господня. Храм построен в 1803 г. на месте прежнего одноимённого храма. Храм закрыт в 1930-е гг. В 1940-50-е гг. здесь размещалась Иловская восьмилетняя школа. В 1960-е гг. здание храма разобрано и перевезено в Удомлю.

Камень-следовик. Фото Дениса Ивлева, 2020 год

*Бортница. Брошенная конская косилка.
Фото Дениса Ивлева, 2020 год*

Коротко об авторе

Андреев Сергей Александрович.

Родился 8 октября 1963 года в деревне Бортница Бологовского района (ныне Удомельский район).

С 1991 года и по сей день машинист на Стекольном заводе 9 Января.

Увлечения: живопись, резьба по дереву, генеалогия.

Член Вышневолоцкого краеведческого общества им. М.И. Сердюкова.

Содержание

Бортница	6
Бортница. Зарождение	13
К веку нашему	20
Немного обо всём	46
Чертовщина и прочие предания	50
Н.С. Кокорин. Иловский случай	53
«В старое время не ставили кресты, а были камни»	57
Коротко об авторе	62

На охоте у костра, (слева направо) Григорьев (Земляков) Александр Николаевич, Комков Василий Ильич и Макар Андреевич

Сергей Андреев

Бортница

**Краеведческий альманах
«Тверской край»
События. Люди. Судьбы**

Выпуск 19/39

Редактор В.В. Козырев
bezhkray@yandex.ru

Компьютерный набор и вёрстка Козырев В.В.

Формат 21x15 1/2. Гарнитура Таймс Нью Роман.
Тираж 50 экз.